

ВСПОМИНАЯ ВЛАДИМИРА ЖУКОВА С.9

МЫ ГОРДИМСЯ ИМИ С.3

ГОЛОСА ИЗ ОГНЕННЫХ ЛЕТ С.8

ИВАНОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Газета Ивановского государственного университета

Апрель 2015

В День Победы мы с гордостью вспоминаем преподавателей и сотрудников нашего университета, которые ушли на фронт из стен ИГПИ, и тех, кто самоотверженно трудился в тылу в годы войны.

УЧАСТНИКИ ВОЙНЫ:

Барановский Евгений Петрович
Бузыкин Иван Иванович
Глухов Алексей Васильевич
Евплов Всеволод Ефимович
Егоров Иван Иванович
Иванова Антонина Ивановна
Лион Ольга Сергеевна
Матвеева Зинаида Михайловна
Медведева Любовь Ивановна
Савин Николай Васильевич
Сурова Галина Ивановна
Улитенко Алексей Никитич
Хохлов Алексей Владимирович
Шагина Тамара Геннадьевна
Шешнева Серафима Алексеевна

ТРУЖЕНИКИ ТЫЛА В ГОДЫ ВОЙНЫ:

Акимцева Зинаида Степановна
Арбекова Лидия Дмитриевна
Желтикова Галина Макаровна
Заботлина Мария Павловна
Иванов Борис Иванович
Канаева Нина Евтихиевна
Карпушина Александра Михайловна
Колдакова Любовь Федоровна
Колосов Николай Константинович
Корнилова Софья Ивановна
Котельникова Людмила Ивановна
Кузнецова Вероника Владимировна
Кузнецова Зоя Александровна
Кудрявцева Людмила Леонидовна
Мазина Нина Александровна
Муравьев Вячеслав Владимирович
Опарина Римма Валентиновна
Пугачева Роза Константиновна
Семенова Нина Андреевна
Слабожанина Елена Яковлевна
Степанова Юлия Александровна
Суглобов Александр Федорович
Сухарева Нина Максимилиановна
Сушкина Евдокия Ивановна
Черногорова Алевтина Александровна

ИВГУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ С.2

«ЗАПОМНИ – ЭТО ВОЙНА» (непридуманные истории) С.5,7

«...БЫЛО ИНТЕРЕСНО, ХОТЯ И ГОЛОДНО...» (воспоминания детей войны) С.6

ИВАНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(по мемуарам преподавателей и студентов)

**БАЛДИН К.Е., зав. кафедрой
истории России, профессор, д.и.н.**

В год 70-летия великой Победы историки все чаще обращаются не только к подвигам солдат и офицеров на полях боев, не только к трудовому героизму работников тыла, но и к повседневной жизни в экстремальных обстоятельствах, т.е. к условиям военного быта, отношениям между людьми, их психологии и поведенческим стереотипам. При изучении повседневной жизни особенно важное значение имеют источники личного происхождения – воспоминания, дневники, письма. В отличие от сухих статистических сводок или других документов официального характера, личные записки людей о текущих событиях сохраняют для потомков то, что называется «ароматом эпохи», т.е. живые и удивительно интересные детали, которые невозможно встретить в архивных документах.

Исследователи истории Ивановского государственного университета, к счастью, имеют в своем распоряжении два сборника воспоминаний и писем преподавателей и студентов Ивановского государственного педагогического института (ИГПИ), который был предшественником ИвГУ. Собранные в этих изданиях источники личного происхождения отражают особенности учебного процесса в 1941-1945 гг., интересные биографические данные педагогов высшей школы, героизм студентов и преподавателей на трудовом фронте.

В июне 1941 г. учебный процесс в Ивановском пединституте шел своим чередом. Студенты сдавали курсовые экзамены, выпускники готовились, получив дипломы, направиться по распределению в глубинку Ивановской области и в более отдаленные края. Однако 22 июня 1941 г. на нашу страну свалилась великая беда, изменив судьбу каждого человека, вне зависимости от того, сражался ли он с врагами на фронте, стоял ли за станком на заводе или же читал лекции студентам.

В первые дни войны начали почти круглосуточно работать военкоматы, отправлявшие на фронт тысячи бойцов. На фабриках и заводах, в различных учреждениях и учебных заведениях проходили митинги, основным лейтмотивом которых были слова из июньского обращения В.М. Молотова к гражданам страны: «Враг будет разбит! Победа будет за нами!» Состоялся такой митинг и в Ивановском пединституте возле общежития на улице Ермака (ныне учебный корпус № 3).

Материальная база вуза сразу же претерпела коренные изменения явно не в

лучшую сторону. Большинство зданий института были переданы для размещения госпиталей и на другие нужды военного времени. У ИГПИ отобрали учебные корпуса на Нижегородской улице (в послевоенные годы – общежитие № 2), на Республиканской (ныне пл. Ленина, бывший Октябрьский райисполком), на ул. Степанова (ныне – учебный корпус ИГСХА). Осталось только одно здание, находившееся на углу современного проспекта Ленина и ул. Красной Армии. Но в нем располагалась только канцелярия вуза, отдел кадров и кабинеты начальства. Многим казалось, что фашисты все же сумеют дойти до Иванова и надо заниматься не учебой, а эвакуацией вуза на восток, причем как можно быстрее.

Старейший работник факультета иностранных языков (так раньше назывался современный факультет РГФ) И.А. Исенин вспоминал, что только после победы нашей армии в Московской битве учебный процесс стабилизировался, т.к. городские власти, наконец, предоставили вузу площади для ведения занятий. В частности, это был корпус машиностроительного техникума рядом с главпочтамтом. Так как студенты пединститута были в этом здании гостями, то они начинали учиться только в половине пятого пополудни, когда из аудиторий уходили хозяева – учащиеся техникума. Занятия продолжались до половины двенадцатого ночи. Возвратили ИГПИ здание на улице Нижегородской. Для факультета иностранных языков отдали здание бывшей школы № 47 на площади Ленина (не сохранилось). Отопления здесь не было, даже печи отсутствовали. Поэтому в зимнюю стужу студенты и преподаватели сидели в шубах, шапках и перчатках. Досок не было, и приходилось писать мелом на стенах и дверях. Несмотря на эти условия, совершенно невообразимые для современных студентов, учебный процесс продолжался.

Тем не менее первый семестр первого учебного года фактически был скопом. Оживление учебной работы началось только после того, как стало окончательно ясно, что Иваново врагу сдавать не собираются. Однако из-за того, что аудиторные площади вуза сократились, пришлось перейти на занятия даже не две, а в три смены. Первая из них начиналась в 7 часов утра, а последняя заканчивалась, как только что было сказано, в двенадцатом часу ночи.

Ряды преподавателей из-за массовой мобилизации очень заметно поредели. И.И. Мордвишин отмечал в своих автобиографических записках, что на кафедре истории СССР в начале войны остались только три преподавателя: он сам, М.И. Зеленский и Е.Н. Барышева, являвшаяся в

это время деканом факультета. Довольно скоро профессорско-преподавательский персонал пополнился эвакуированными из западных районов страны, в частности из Москвы и Ленинграда. Среди бежавших от войны в наш вуз появились и отпрыски дворянских фамилий, более того – титулованной аристократии. Это княжна Урусова, баронесса Корф, графиня Анненкова. Самой колоритной была первая из них – статная женщина лет 55. Она жила до этого под Ленинградом, бежала от наступавших фашистов, по дороге была обворована, очень страдала от голода. Урусова пережила сильное психическое потрясение и заработала довольно редкую болезнь: не могла насытиться, даже если съедала много.

Придя на иняз Ивановского пединститута, она объявила, что может преподавать на выбор английский, немецкий, французский, итальянский и испанский языки. Ее сразу зачислили в штат, т.к. педагогов не хватало. Однако начальство и коллег смущал дресс-код Урусовой. «Их сиятельство» была одета в старый ватник и обувь военного образца, подошвы которой были прикреплены к голенищам белым проводом. Пришлось помочь княжне с покупкой более адекватных носильных вещей. Она вела занятия очень профессионально, блестяще владея разговорным языком и теоретической филологией.

Урусовой выдали карточки, по которым можно было обедать в столовой на Республиканской ул. (ныне – часть пр.Ленина). Здесь она, не будучи в состоянии наесться, сначала быстро съедала свою порцию, а потом доедала то, что оставалось на чужих тарелках. Кроме того, она ходила по квартирам и попрошайничала. Ее работа в вузе закончилась, когда она пришла к квартире директора ИГПИ и встала возле нее с протянутой рукой, после этого ее уволили.

В первые же месяцы войны изменился контингент студентов. Мобилизация сократила численность будущих педагогов почти в два раза. Многие вместе с родителями переехали в другие города. Пединститут всегда считался девичьим вузом, а в годы войны он превратился в настоящий «женский монастырь». Только в 1942 г. в аудиториях появились парни в гимнастерках и шинелях, порой без руки или без ноги. Это были фронтовики, получившие тяжелые ранения и списанные «вчистую».

Первой военной осенью по городу упорно ползли тревожные слухи о том, что фашисты якобы окружают Москву и довольно скоро прорвутся в текстильный край. Одним из поводов для этих страхов стала массовая мобилизация рабочих, служащих и учащихся на строительство оборонительной полосы, которая с западной

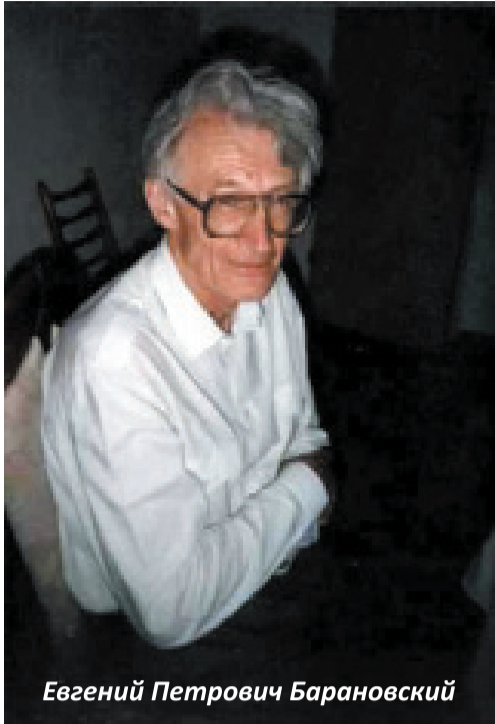
стороны должна была прикрывать Иваново. И.А. Исенин вспоминал о том, как он вместе со студентами целые дни орудовал лопатой возле села Ново-Талицы, приходилось рыть окопы полного профиля – до 2 метров в глубину.

В течение учебного года студентов довольно часто снимали с занятий на день или даже на неделю для участия в тех или иных тяжелых работах. Девушки расчищали от снега трамвайные и железнодорожные пути, взлетно-посадочные полосы аэродрома в Пустошь-Боре. Но чаще всего молодежь отправляли на лесозаготовку, т.к. вся страна и вместе с ней и Ивановская область испытывали острый дефицит топлива.

Приходилось самим заботиться о том, чтобы в вузовских аудиториях было хотя бы относительно тепло. Поэтому студенты и преподаватели отправлялись в ближайший лес куда-нибудь в район Харинки для заготовки дров. Их грузили на большие салазки и сами, без привлечения грузовой силы, томительно долго тащили эти средства передвижения до перекрестка улиц Нижегородской и Бубнова, где располагался учебный корпус ИГПИ.

Еще одним поприщем, на котором трудились студентки военной поры, была помощь раненым. В первые же месяцы войны в Иванове, как и во многих других городах, была развернута сеть тыловых госпиталей. Они находились в современных корпусах университета № 3, 4 и 5. Много студентов работало в эвакогоспитале № 1388, расположенном на тех площадях, на которых сейчас учится юридический факультет ИвГУ. Сначала он был хирургическим, а потом получил глазное направление. На несколько часов студентки приходили туда и работали чаще всего санитарками. Раненым была нужна не только медицинская помощь, но и теплое участие «сестричек», которые писали под их диктовку письма домой, выступали с концертами сами и приводили в госпитали школьников, у которых девушки работали пионервожатыми. «Надо было видеть, как раненые принимали ребятишек!» – восклицала М.М. Бизяева.

Период Великой Отечественной войны был самым трудным для отечественной высшей школы. Ей пришлось пережить очень тяжелые испытания, не стали исключением эти годы для Ивановского государственного педагогического института. Хотя провинциальный вуз был не самым крупным и не самым престижным, он сумел выжить в эти годы. Контингент студентов, разумеется, сократился, но они не разбежались, а сумели с честью справиться с выпавшими на их долю трудностями.

Евгений Петрович Барановский

ФРОНТОВИК, ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ И ПРОСТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

поступил на математико-механический факультет Ленинградского университета, который в то время был эвакуирован в город Саратов. Но проучился там совсем недолго, так как в 1944 г. был призван в армию вторично. Воевал на Первом Белорусском фронте. Воевал недолго, но за это время успел почувствовать все тяготы войны и самое страшное — это плен в Германии. В своих воспоминаниях Евгений Петрович писал: «В плен попал недалеко от реки Буг при следующих обстоятельствах: в ночь на 27 июля наш 1201 полк отходил на новые рубежи. Взвод, в котором служил я, возвратился на старые позиции и вел оттуда огонь для введения в заблуждение противника. К концу ночи мы отошли на опушку леса. Семь человек, в том числе и я, уснули, не слышали, как уходил взвод, и были разбужены немцами, к которым и попали в плен». Хоть пленение было недолгим, но оно оставило тяжелый отпечаток в душе Евгения Петровича.

Как и любой человек, лишенный хоть на короткое время свободы, он почувствовал невероятную любовь к жизни, понял, что нужно ценить каждый ее миг.

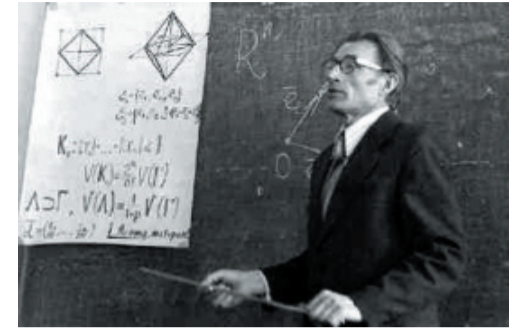
В декабре 1945 года Евгений Петрович по Указу Президиума Верховного Совета СССР был демобилизован и работал преподавателем в Новопокровской средней школе. С 1946 по 1951 г. учился в Саратовском университете. С 1951 по 1958 г. работал преподавателем математики в машиностроительном техникуме города Бежецка Калининской области.

Решив связать свою жизнь с наукой, Евгений Петрович поступил в аспирантуру Ивановского пединститута. Успешно защитил в 1966 г. кандидатскую диссертацию, а в 1983 г. стал первым преподавателем Ивановского университе-

та, защитившим докторскую диссертацию по математике. В 1985 г. получил звание профессора. Круг его научных интересов был связан с изучением сложных разделов геометрии. Можно с уверенностью сказать, что Евгений Петрович достиг заветной мечты каждого математика: предложенные в его работах математические методы позволили решить задачи, много лет не поддававшиеся усилиям математиков. Результаты научных исследований поставили его в ряд ведущих геометров страны, а выступление на Международном математическом конгрессе в Москве и издание книги за рубежом явились свидетельством международного признания. В общей сложности им написано несколько монографий, свыше ста научных статей в ведущих математических журналах. Под его руководством защищались кандидатские диссертации. Достижения Евгения Петровича в науке были отмечены на самом высоком уровне: Указом Президента РФ от 22 декабря 1999 г. № 1700 он получил почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Научную деятельность Евгений Петрович успешно сочетал с педагогической: много внимания уделял работе со студентами и учителями, читал для них лекции, принимал участие в проведении ежегодных математических олимпиад. Он был одним из инициаторов создания юношеской математической школы, под его руководством работало Ивановское математическое общество, основанное академиком А.И. Мальцевым.

Студенты очень любили и уважали Евгения Петровича за его человеческие качества, ведь как важно учителю не просто стать хорошим педагогом, а еще и хорошим другом, уметь контактировать с учениками, помогать им и давать

советы. И он этого добился благодаря своей искренности, внимательности и отзывчивости. Работе в университете Евгений Петрович посвятил 49 лет своей жизни.

Евгений Петрович всегда был за здоровый образ жизни. Он никогда не сидел на месте: увлекался лыжным спортом и занимал призовые места в спартакиадах по лыжным заездам, в молодости путешествовал на лодке и ходил в горы. Но самым главным богатством в его жизни была семья, которую он очень любил и для которой многое делал своими руками. На семейной даче любимый муж, отец и дедушка строил, пилил, чинил и занимался огородом. Родные трепетно к нему относились, любили его и очень ценили...

К сожалению, с каждым днем участников Великой Отечественной войны становится все меньше и меньше, и тем ценнее их воспоминания. И каждый миг, проведенный с этими достойными людьми, должен остаться у нас в памяти. Мы обязаны сохранить их истории и прислушиваться к их советам, ведь они самые ценные и дорогие.

ЮЛИЯ ПУТИНЦЕВА

«ДЛЯ ДОПРОСОВ НУЖНЫ ВЫДЕРЖКА И СИЛА ВОЛИ!»

Бывший преподаватель факультета романо-германской филологии Антонина Ивановна Иванова была фронтовым переводчиком. В 1940-м она поступила в Московский государственный педагогический институт иностранных языков, а 22 июня 1941 года должна была сдать экзамен по немецкому языку. О дальнейшем расскажут её воспоминания.

Когда мы с подружкой Надей прибежали в институт, начальник курса сообщил, что через два дня институт переходит на казарменное положение. Нам привезли раскладушки, одеяла, подушки. Об эвакуации речи еще не было, а немецкие самолеты-разведчики уже летали над Москвой. Вскоре они начали сбрасывать зажигательные бомбы. С этого момента началась дежурства на крышах. Потом нас отправили рыть противотанковые рвы около Нахабино. Работа была тяжелой, сразу появились мозоли. Местные жители старались помочь: приносили старую одежду, тряпки, даже чулки, лишь бы руки спасти.

Враг все ближе подступал к столице. Нас привезли в Москву, дали один день на сборы. По Волге на пароходе мы плыли в Ставрополь. Несколько километров шли пешком и попали в лесной санаторий для людей с большими легкими. Здесь мы жили, работали и учились.

Летом 1942-го меня вызвали в Москву, где дали направление на фронт. Я должна была работать переводчиком. Дивизия, в которую я была направлена, как оказалось, снялась еще два дня назад. Но в лесу стояла на формировании другая, 399 пехотная дивизия, в которой меня и оставили. Штаб дивизии связался с отделом кадров, откуда я получила направление, и просил оставить меня переводчиком. Еще семь дней дивизия продолжала укомплектовываться. Затем я отправилась в полк 48-й армии Белорусского фронта, где подводили итоги Сталинградской битвы. Там мы составляли списки убитых и пропавших без вести. Работы было много. Погибших было больше, чем оставшихся в живых. После составления списков необходимо было писать письма родным и близким погибших.

Зимой 1943-го года в армии произошли изменения в званиях. Я была техник-интендант 2-го ранга, а получила звание сначала младшего лейтенанта, а вскоре лейтенанта. С 399-й

дивизией я прошла места укомплектования начиная с Тульской области и до Орловской. Каждую ночь мы проходили по 20 километров, а днем останавливались в деревне или в лесу. Стояла суровая зима, солдаты замерзали. К весне мы пришли на Курскую Дугу, в район села Петровское.

Когда мы стояли, нужно было отправлять каждую неделю двух человек, чтобы они приводили «языка» (немецкого пленного). Я была занята тем, что давала сводки о вражеских самолетах. Почти каждый день над нашими войсками летал немецкий самолет-«фотограф».

Начиналась Орловско-Курская битва. Первой атаковала советская артиллерия. За ней двигалась пехота, потом штаб дивизии. Мы то шли, то останавливались. Преследовали немцев по пятам. Хорошо, что после них оставались землянки. Немцы не подозревали, что советские войска будут так быстро продвигаться вперед, поэтому не успевали их минировать.

Во время допросов немцы вели себя по-разному. Одним важно было, чтобы их накормили, а информацию они предоставят. Другие были смелые, даже дерзкие. Не боясь наказания, выкрикивали «Хайль Гитлер!». Допрос проходил так: я допрашивала и переводила, а секретарь сидел за соседним столом и записывал все сказанное. У пленного необходимо было узнать имя, фамилию, дату и место рождения, место проживания, наличие семьи и из какой части он прибыл. Необходимо было выяснить, долго ли он находился здесь, как давно поступило подкрепление, что известно немцам о состоянии советских войск. В первое время было очень трудно из-за недостаточного знания немецкого языка. Поэтому первые протоколы были сугубо официальными и краткими. Вскоре, когда пришел опыт, они стали больше, с выводами и сомнениями по поводу достоверности полученных показаний.

Станции Змеевка и Глазуновка были логовом фашистов. Все немецкие подкрепления разгружались на этих станциях. Они привозили огромное количество боеприпасов: танки, автомобили, мотоциклы, бомбы — все в помощь

войскам, стоявшим на Курской Дуге. Но все это врагу не помогло. Вскоре немецкие войска начали отступать. Фашистов гнали прочь с советской земли. Немцы несли огромные потери.

После событий на Курской Дуге я получила орден Красной звезды и звание старшего лейтенанта.

Несколько раз мне как переводчику давалось очень необычное задание. Я вела так называемые «Передачи». Первый раз мне довелось выполнять это

задание зимой 1943 г. Это происходило так: большая машина подъезжала к тому месту, где находились немецкие войска, на безопасное расстояние, останавливалась в кустах, и я по заготовленному заранее бумагам читала необходимый текст. У меня был своеобразный микрофон — большая черная труба, которую можно было держать на плече. Текст каждой речи присылался из штаба. «Achtung! Achtung! Deutsche Soldaten!» («Внимание! Внимание! Немецкие солдаты!») — так начиналась каждая речь. «Вы обречены на гибель. Лучше всего сдать. Мы не уничтожаем пленных. Сдавайтесь. У вас большие потери. Сдавайтесь».

Помню, был такой случай: упал немецкий самолет, летчик остался жив, но был сильно ранен. Наша часть стояла ближе всех к месту падения. Требовался переводчик. Я и мой начальник, Щепелев Федор Евсеевич, отправились на допрос. Летчик находился в полевом походном госпитале, работник которого пытался узнать, из какой он части, но немец ничего не понимал. Я спрашиваю летчика «Welche Aufgabe hatten Sie?» («Какое задание у вас было?»). На что он ответил: «Frauen, ich werde nur mit dem Meister sprechen». (Девушка, я буду говорить только с командиром!), Федор Евсеевич, немного знавший немецкий, попросил меня выйти, после чего сказал, что если он хочет, чтобы ему спасли жизнь, то должен отвечать переводчику. И когда я пришла, летчик стал отвечать на мои вопросы.

Был один случай, когда наша дивизия случайно наткнулась на склад, где хранились немецкие продовольственные запасы. Видимо, готовились к Новому году. Там было и шам-

панское, и лимоны, и бекон, и сыр... Какая это была радость!

Однажды я вела допрос. Сняла пистолет и положила его под правую руку. Напротив меня сидел немец, а сбоку секретарь, который записывал показания. После допроса вошел Федор Евсеевич, мой начальник:

— Тебе что, жить надоело? — спросил он. — Что же ты немцу пистолет-то подкладываешь? Зачем ты его сняла?

— Так мало ли какой немец... немцы разные попадают... Начинают кричать «Хайль Гитлер!», могут и на меня наброситься.

— Ну зачем на тебя набрасываться, можно пистолет схватить и выстрелить.

Как оказалось, нельзя было ни в коем случае вынимать пистолет из кобуры и класть на стол перед допрашиваемым.

Я вспоминаю в 8 утра. По приказу командующего дивизией С.Г. Цыпенкова в небо взвились красные ракеты. Батальоны шли в атаку. Немцы отчаянно сопротивлялись. Речица была основной железнодорожной магистралью, которая связывала Гомельскую группировку с тылами и базами сражения. 18 ноября 1943 г. после ожесточенных трехдневных боев части 48-й армии захватили Речицу.

На фронте я поняла, какую выдержку и силу воли надо иметь, чтобы внешне спокойно выслушивать показания (иногда заведомо ложные) пленных немцев. Необходимо было отобрать из них главное, при этом не перепутать номера частей, точно указать цифры потерь и пополнений противника. Я готовила разведчиков для засылки в тыл врага за «языками». Умела включаться в телефонные провода для прослушивания разговоров немцев.

В 1944 г. я уехала в Военный институт иностранных языков Красной Армии для продолжения учебы.

Наконец, наступило 9 Мая. Враг был окончательно разбит. Красная Площадь и всеобщее ликование... День, когда в душе каждого был праздник, когда каждый осознавал величие Победы. Горе было смешано с радостью. Эта война, самая страшная и кровопролитная, никогда не исчезнет из памяти людей.

Записала и подготовила к печати
КАРИНА СТЕПАНЯН

ДОРОГОЙ МУЖЕСТВА, ЛЮБВИ И СКОРБИ (Стихи о Великой Отечественной войне)

В московском издательстве «Центр книги Рудомино» вышел сборник «Война гуляла по России». Стихи о Великой Отечественной войне, составленный Л.Н. Тагановым и Н.Л. Тагановой. Эта книга – своеобразная антология поэзии, в которой глазами разных поколений воссоздан подвиг нашего народа в годы Великой Отечественной войны. Большое место в сборнике отведено творчеству ивановских поэтов.

Леонид Николаевич, что это за проект и как он возник?

Проект задуман у нас. Его инициировали и Департамент культуры Ивановской области, и местное отделение Союза писателей России, а, с другой стороны, – это Библиотека иностранных языков московская, где есть такой очень интересный Книжный центр «Рудомино».

А правила составления оговаривались? В чем Вы видели свою основную задачу как составителей?

Да, правила оговаривались, и главное – чтобы книга была не просто представительной, но и интересной широкому кругу читателей за пределами области, полезной для знакомства с феноменом поэзии о войне. Тираж – 1000 экземпляров, что не так мало по нынешним временам. В целом это просветительский проект, и вот мы с дочерью взяли за его осуществление. Книга уже в типографии, и человек, любящий стихи, в названии ее может услышать отсылку к знаменитым строчкам Давида Самойлова: «Война гуляет по России, а мы такие молодые». Хотя, наверное, могли быть и другие названия, но этот вопрос решала уже редакция. Для нас главной была своеобразная сверхзадача, если хотите, эксперимент: соединить два поэтических пласта, условно говоря, «классический», общепризнанный, и «местный». Хотя реальная картина намного сложнее. Ведь именно поэзия, начиная с первых дней войны, стала создавать ее подлинную историю (вспомним гениальную «Священную войну»), включая в себя все разнообразие настроений, дум, чаяний воюющего народа. Поражает стихотворный масштаб этой поэзии, который со временем все более расширялся. Здесь и наши великие поэты (Ахматова, Пастернак, Твардовский), и ставшие знаменитыми в годы войны (К. Симонов, А. Сурков, О. Берггольц и др.) Здесь и поэты так называемого «фронтового поколения» (С. Орлов, А. Межиров, М. Луконин, М. Дудин и др.), чей голос будет по достоинству оценен уже после войны.

Писали о войне – и сильно писали! – и те, кто в то время считался литературным изгоем. Например, Д. Андреев и А. Баркова. В их стихах звучит апокалиптическая тональность, заставляющая воспринимать войну как кардинальный сдвиг мировой истории:

Читай! В исполинском размахе
Вращается жернов возмездья,
Несутся и гаснут созвездия,
Над кровлями воеет сполох, –
Свершается в небе и в прахе
Живой апокалипсис века:
Читай! Письмена эти – веха
Народов, и стран, и эпох.

И вот нам было очень интересно, как рядом со всеми этими именами будут смотреться «наши». И сразу хочу сказать, что в целом очень достойно. В первом разделе книги это Н. Майоров, А. Лебедев, М. Дудин, В. Жуков, Н. Грачев, И. Петрухин, Н. Силков, И. Мартъянов, М. Лешкова, А. Баркова, В. Догадаев, В. Антипин. Впрочем, поэтическое творчество первых трех из названных имен давно пробилось за границы региональной поэтической обочины. Другое дело, что их не часто вспоминают сегодня историки литературы, хотя, на мой взгляд, наступило время более серьезной оценки их поэзии, чем это было раньше. Не советским краснофлотским глянецом интересна поэзия погибшего в первый год войны Алексея Лебедева, а той трагической личностной готовностью принять на себя самые тяжелые военные испытания, даже если за это придется отдать жизнь. Н. Майоров погиб в 1942 году. Только после войны мы узнали, насколько талантливы поэтически и исторически прозорлив был этот человек, написавший свое потрясающее стихотворение «Мы». Написано оно в 1940 году, то есть тогда, когда сталинское государство наложило запрет на тему предстоящей войны с Гитлером. Молодые поэты предвоенной поры (М. Кульчицкий, П. Коган, М. Отрада, М. Луконин и др.) нарушали этот запрет, тревожно глядя в ближайшее будущее. Н. Майоров, может быть, раньше других понял, что в этой войне его поколение будет поставлено под смертельный удар и надо успеть сказать нечто главное о тех, кого завтра может не быть. Дерзновенна его попытка еще до войны говорить от имени ушедших, веря при этом в бессмертное «мы», ибо «И как бы ни давили память годы, / Нас не забудут потому навек, / Что, всей планете делая погоду, / Мы

в плоть одели слово «Человек»». Майоров запечатлел здесь древнюю коллизию разговора павших с теми, кто остался жить. Этот диалог живых и мертвых впоследствии будет постоянно присутствовать в поэзии о войне. Вспомним хотя бы голос оттуда из стихотворения А. Твардовского «Я убит подо Ржевом», где будет продолжена внутренняя тема майоровского «Мы».

То есть у всех или у большинства «военных поэтов» есть нечто объединяющее...

Жизнь на войне – это часто жизнь сверх меры, концентрация всех физических и духовных сил, сжатых в одно движение, в какие-то «полмига». Поэты, особенно те, кто изнутри познал окопный военный быт, рассказали о нем как «об опасной и страшной работе» (В. Жуков), которую нельзя понять «со стороны», умозрительно. Сила поэтического слова в том и заключается, что она дает нам возможность хотя бы на миг ощутить себя на месте тех, кто вступил в единоборство со смертью, оставаясь при этом человеком, даже с «расстрелянным сердцем».

«Военная» поэзия с потрясающей силой доносит до нас чувства всеобщности существования в грозное лихолетие. Кровь, смерть, грязь, ожесточение, насилие, гибель детей, женщин... Но здесь же запечатлен и «выпрямительный вздох» человека Великой Отечественной. Он знал, за что воюет и за что можно отдать жизнь. А воевал он за освобождение родного дома, за право свободно жить и работать. Воевал во имя красоты и счастья человеческого бытия. Вообще говоря, война пробудила искреннее поэтическое слово (даже у вполне «официозных» поэтов!), потому что велика была потребность в немедленном эмоциональном ответе, «выплеске», т.е. в том, что способна сделать именно лирика, а не, скажем, романистика.

Возникает такой, может, не самый юбилейный вопрос, касающийся пробуждения вот этого коллективного чувства... Если вспомнить, например, Л.Н. Толстого, то у него ужасна ЛЮБАЯ война, даже отечественная, ЛЮБАЯ война есть противное всякому человеческому разуму и чувству соборности (вспомним князя Андрея, наблюдающего голое «мясо для пушек» в грязном пруду). Не кажется ли Вам, что в нашей поэзии не хватает этого ОТВРАЩЕНИЯ к войне в принципе? Я, конечно, пацифист, но что может быть лучшей прививкой от милитаризма, чем отращивание к войне?

Вы говорите о гуманизме, и он, конечно же, в «военной» поэзии представлен, хоть и не так обширно. Если серьезно задуматься в смысл лучшей части «военной» поэзии, то мы можем прийти к выводу, что базируется она, несмотря на все официальные запреты, на глубинной христианской основе. Разве не ощутимо библейское «Смертью смерть поправ» в стихотворной балладе М. Дудина «Соловьи», где умирающий боец просит своих боевых друзей написать своей любимой женщине: «У нас сегодня пели соловьи»? Разве не христианским милосердием наполнено стихотворение М. Светлова, обращенное к убитому чужеземному солдату:

Никогда ты здесь не жил и не был!
...Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

К тому же в книге есть слово о войне поэтов нынешних поколений. Вот Вам, пожалуйста, краткий и емкий ответ ивановского поэта П. Бастрякова:

Такой-то год, война, снега, стога...
Твой личный номер знает картотека.
Ты целишься, конечно, во врага,
Но пуля попадает в человека.
А потому, вослед любой войне,
Вопрос живых: «За что мы погибли?»
И души убиенных отлетали,
Прощая той и этой стороне.

Как Вы считаете – тот факт, что государство сверхактивно эксплуатирует сейчас в пропагандистских целях страшный опыт Великой Отечественной, может ли в какой-то мере девальвировать сам этот опыт?

Не дай бог никому такой опыт, и мы обречены снова и снова пытаться осмыслить его... Не думаю, что здесь возможна девальвация – слишком велика цена Победы, колоссален, без преувеличения, подвиг народа. Это невозможно девальвировать, переписать, обогатить, хотя попытки различных заинтересованных лиц и целых государств делаются и будут делаться.

В стихотворении С. Наровчатова «Солдаты свободы», написанном в победный год, нарисована такая картина: бежит навстречу автору, советскому солдату, переступившему западную границу, девушка. Бежит босиком по мартовскому снегу: «Какая боль на дне бессонных глаз, / Какую сердце вынесло невзгоду... / Так вот кого от гибели я спас! Так вот кому я возвратил свободу! / Далекие и грустные края, / Свободы незатоптанные тропы... / – Как звать

тебя, печальница моя? / – Европа!... Как жаль, что сегодня забыли эту обоюдную искренность сердечного порыва Европы и России!

Поэтому наша книга – это не только память о войне, но и предупреждение, особенно актуально звучащее в эпоху сгущающегося мрака неофашизма.

«Военная» поэзия ведь далеко не вся пришла ко двору власти в силу глубины и подлинности трагического экзистенциального опыта...

В официальной прессе всё в большей мере укоренялась мысль, что не стоит смущать народ трагической памятью о войне. Это мешало продвижению к будущему. Многие из нас еще помнят послевоенные рынки с безногими, безрукими фронтовиками-инвалидами и преступно-пренебрежительное к ним отношение со стороны власти. То, о чем, сидя в ГУЛАГовском лагере, пронзительно написала Анна Баркова в своем стихотворении «Чем торгуешь ты, дура набитая...». Конечно же, эти стихи стали известны лишь спустя почти сорок лет после их создания. Фактически сразу после войны был запрещен текст стихотворения М. Исаковского «Враги сожгли родную хату» – одно из самых сильных произведений о страдании солдата, связанном с потерей любимого человека. Очень долго пробивались в печать стихи Б. Слуцкого, Д. Самойлова, А. Тарковского, Н. Панченко и др., содержавшие новое слово о войне. Вот кто из читателей знает о пронзительнейшей «Балладе о расстрелянном сердце» Николая Панченко?

Я сотни верст войной протопал.

С винтовкой пил.

С винтовкой спал.

Спускаю курок – и пуля в штычок,

и кто-то замертво упал.

А я трякну кудрявым чубом.

Иду, подковками звеня.

И так владею этим чудом,

что нет управы на меня.

Лежат фашисты в поле чистом,

торчат крестами на восток.

Иду на запад – по фашистам,

как танк – железен и жесток.

На них кресты

и тень Христа,

на мне – ни Бога, ни креста:

– Убей его! –

и убиваю,

подковками звеня.

Я знаю: сердцем убиваю.

Нет вовсе сердца у меня.

А пули дулом сердца ищут.

А пули-дуры свищут, свищут.

А сердца нет,

приказ – во мне:

не надо сердца на войне.

Ах, где найду его потом я,

исполнив воинский обет?

В моих подшумках и котомках

для сердца места даже нет.

И вместе с этим во многих стихах о войне мы можем услышать ноту особого рода ностальгии по утраченному времени войны:

Какая музыка была!

Какая музыка играла,

Когда и души и тела

Война проклятая попала.

Какая музыка во всем

Всем и для всех -

не по ранжиру.

Осилим...Выстоим...Спасем...

Ах, не до жиру быть бы живу...

В этой ностальгии отрицание бездуховного, пошлого существования, мечта о добром взаимном понимании людей.

Одними из любимых постмодернистских словечек с некоторых пор стали: демифологизация, деконструкция. За ними желание разрушить, отвергнуть сложившиеся представления, перевернуть наизнанку прежние смыслы и тем самым доказать: все относительно, абсолютных ценностей не существует. Согласно этому и Великая Отечественная – тоже не более как миф, подлежащий деконструкции. И нашлись ведь ретивые политики, деятели искусства и литературы, которые двинулись в сторону этого «де». Но ничего у них не получается и не получится. Почему? Потому что, как сказано в одной хорошей песне на слова Е. Винокурова: «Но помнит мир спасенный, / Мир вечный, мир живой / Серезку с Малой Бронной / И Витьку с Моховой». Потому что не только «дети войны», но их дети и внуки знают, кому они обязаны своей жизнью. Доказательством этого опять же может явиться поэзия тех, кто идет вслед за отцами и дедами. Для нас, создателей этой книги, было принципиально важно представить человеческую, поэтическую преемственность между различными поколениями в осознании Великой Отечественной войны.

Н.С. УТКИНА

Человеческая память! Время не властно над ней. Сколько бы лет и десятилетий ни прошло, люди снова и снова будут возвращаться к Великой Победе, ознаменовавшей торжество жизни над смертью, разума над безумием, гуманности над варварством. Нет, наверно, семьи, которую бы обошла война. К сожалению, в моей семье с войны не вернулся никто, все пропали без вести. Лишь детские воспоминания моей бабушки, Романенко Надежды Ивановны, хранят весь ужас тех лет. Совсем крохой вместе с матерью от Украины до Сталинграда на фронтовых дорогах они разыскивали отца. Вот эта история из первых уст.

«В начале 1943-го мама получила известие о том, что отец тяжело ранен и находится в госпитале где-то под Днепропетровском. Мама оставила сестру с бабушкой, собрала самое необходимое и со мной отправилась в дорогу на поиски папы. Мне тогда было всего 5 лет. Дороги наши были трудные: на попутках, поездах, голодные, но вернуться назад не было возможности – наступали немцы.

Я помню: остановились в каком-то селе на Украине, за селом – поле кукурузы. Мы с ребятами бегали туда искать траву и зерна. В селе стояла военная часть. Солдаты делились с нами хлебом, иногда перепалили и кусочки сахара. Я забиралась на большую печь, лакомилась и наблюдала за солдатами, как они чистили оружие, переобувались, наматывали на ноги портянки.

В одну из ночей я проснулась от сильного взрыва, гула, выстрелов. Помню испуганное лицо мамы, хозяев. Солдаты быстро убегают по команде, гудят машины, вспышки, выстрелы. Нас выгнали из хаты – там поселились немцы, а мы – в сараях. Всю ночь не утихали рыдания взрослых и детей.

Днем немцы стали сгонять население к центру села: стариков, детей и взрослых – без разбора. Вел и наших солдат раненых, пленных. Люди плакали, мама меня прятала за спину, не пускала вперед, а я не понимала, в чем дело – вырывалась и кричала. Раздались выстрелы – немцы расстреляли наших солдат и несколько человек из жителей. Скоро все стихло, людей разогнали.

Мы прибежали в сарай, там уже были другие люди, все боялись выходить на улицу. Хотелось пить, есть, но ничего не было. Утром мама ушла, вернулась нескоро, но принесла несколько

«ЗАПОМНИ – ЭТО ВОЙНА»

ко картофеля и в чугунке воды. Так мы и жили в голоде и страхе несколько дней.

Как-то утром мы опять услышали взрывы, гул самолетов, всё было в огне. Немцы спешно отступали. Мы сумели заскочить в хату, мама затолкала меня под кровать, но вот дверь распахнулась – бежит немец с автоматом. Лицо у него грязное, перекошенное, что-то злобно кричит, требует, наставил на маму автомат, а она стояла у печи молча, прижав руки к груди. Мне было так страшно, что я кинулась к ней, прижалась со слезами и криками. Немец толкнул маму, ударил прикладом и выбежал. Мама медленно оседала на пол, а я кричала: «Мамочка, не умирай!» Прошло некоторое время, и мы с мамой стали выглядывать в дверь, а там уже много людей и наших солдат, все кричат: «Ура!» Мама со слезами на глазах прижимала меня к груди и повторяла: «Это – наши, это – наши».

К нам принесли раненых солдат, мы стали оказывать им помощь. Мама носила воду, затопила печь. На лавке лежал молодой солдат, лицо было в крови, он тяжело стонал, я стояла рядом, а он гладил мою руку и говорил: «Всё будет хорошо, девочка, всё будет хорошо». Мама расспрашивала солдат и раненых, с какого они фронта, не встречали ли моего папу – никто не

знал. Утром подошли две машины, и на носилках стали выносить раненых, чтобы отвезти в тыловой госпиталь.

Мама долго уговаривала командира взять нас с собой. После долгих переговоров получили согласие, собрали свои узелки и – на машину. Сидели на лавочке, а раненые лежали на полу, все перевязанные – кто бинтами, кто порванными вещами, пропитанными бурными пятнами крови. Вскоре машины тронулись. После дождя был холодный ветер, мама меня укрывала, раненым поправляла одеяла, поила водой. Машины двигались не очень быстро, после дождя дорога была размытой.

И вдруг меня мама повернула к краю – кругом были разбитые орудия, возле них люди, солдаты, некоторые сидели или лежали. Она обняла меня и быстро заговорила: «Смотри, доченька, это – война, столько людей погибло, запомни – это война». Она поворачивала меня то в одну сторону, то в другую и говорила, говорила о горе, я плакала навзрыд, пока раненый солдат не стал уговаривать меня потерпеть.

Остановили машину военные, долго разговаривали с водителем, нам приказали сойти, так как не положено ехать с ребенком. Нас отвели в землянку, где было темно, сыро, но дали

хлеба, кружку кипятка и несколько кусочков сахара. Потом опять дорога на попутках, проверка документов, разговоры, расспросы... Мы ходили по всем госпиталю и медпунктам, но папы нигде не было.

В городе маму сразу направили на оборонный завод, документы отобрали и поместили жить в деревянный барак. В бараке с общим коридором были комнаты с деревянными перегородками. В каждой комнате жили по несколько человек, мы жили с несколькими женщинами. Мама уходила очень рано на работу и приходила очень поздно. Выдали карточки на хлеб, получить который можно было, отстояв огромную очередь. Варили еду на примусах. Я целыми днями была одна, бродила по улице, играла со сверстниками в стеклышки, камешки, самодельные мячики. В соседние дворы не ходила, мама строго приказывала быть возле своего барака. Иногда на улице бабушка, которая продавала семечки в стаканчиках, насыпала мне их в ладошку и гладила меня по голове. Для меня не было большего наслаждения, чем очищать каждую семечку и сосать её как конфету, так как постоянно хотелось есть. А тут еще одна неприятность – все узелки с вещами и фотографиями родных унесла женщина, которая жила с нами. Мама плакала несколько дней, но искать воровку никто не стал. Наступили холода, мы очень мерзли в дощатом бараке, я спала с мамой на топчане, она как могла меня согревала, кутая в свою одежду. Я стала реже выходить на улицу, все больше оставалась в комнате, где женщины, работавшие в разные смены, постоянно были заняты. А у меня было постоянное желание: поесть, дождаться маму и согреться.

Мама стала писать запросы в военную часть, в военкоматы на розыск отца, но конкретных ответов не было. И только спустя долгое время пришло извещение: «Рядовой Романенко Иван Никитович пропал без вести в июне месяце 1944 г. под г. Харьковом». Нашему горю не было предела. Мое голодное, холодное, военное детство продолжалось...»

Каждый год, приезжая в Волгоград, я прихожу к мемориальному комплексу на Мамаевом кургане. Стою на самой вершине, где полегли тысячи наших солдат и офицеров, смотрю на высоту, с которой фашисты как на ладони видели Волгу, за которой для наших солдат земли не было... Ком подкатывает к горлу, перед глазами всплывают картины той страшной битвы. Бабушка рассказывала, что на этом кургане долго не росла даже трава. А сейчас – цветущий сад. И хочется одного, чтобы мы не забывали, какое счастье жить без войны, в мире, чтобы не забывали тех, кто падал тут под пулями...

М.В. КЛЮЕВ

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ СЕМЕЙНОЙ БИОГРАФИИ

4 февраля исполнилось 100 лет со дня рождения основателя кафедры химической технологии пластических масс ИХТИ, доцента, кандидата химических наук Ключева Василия Николаевича – моего отца-фронтовика.

По окончании ИХТИ в августе 1939 года молодой специалист был распределен в г.Калинин (Московской области) на фабрику «Пролетарка», где трудился химиком. В декабре того же года начался новый этап жизни – Ключев В.Н. был призван в ряды РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии).

До августа 1940 года он служил красноармейцем 30-й танковой бригады Московского Военного округа, которая базировалась в Ярославле. Бригада принимала участие в боевых действиях в конфликте с Финляндией, однако новобранцы на нее не успели. Наступил короткий мир. С августа 1940 по июнь 1941 года Ключев В.Н. был командиром танка 18-й Ордена Ленина танковой дивизии.

В июне 1941 года в составе 3-го танкового батальона 36-го танкового полка 18-й Ордена Ленина танковой дивизии Ключев В.Н., будучи химинструктором батальона, выехал на фронт. Дивизия с ходу вступила в бой в районе Витебска на р. Западная Двина. По словам Василия Николаевича, после первого боя от полка осталось всего 3 танка, но боевой дух был высок. Ожесточенные оборонительные бои шли до октября. Избежав окружения, дивизия отступала через Смоленск в сторону Москвы. Из-за больших потерь в живой силе и технике личный состав постоянно перестраивался. Так, в конце октября батальон, где служил В.Н. Ключев, был отправлен из Подмошья в лагерь под Костерево (Ивановская Промышленная область). Там его назначили химинструктором зенитного дивизиона 31-й танковой бригады. В составе дивизиона Василий Николаевич принял участие в историческом Параде 7 ноября 1941 года в Москве. Правда, по Красной площади ему не удалось проехать, так зенитные расчеты этого соединения выполняли конкретную боевую задачу – «прикрывали» участников парада от нападения с воздуха.

Прямо с парада бригада в ту же ночь вступила в бой под Серпуховым. Затем были бои под Клином и долгожданное на-

ступление под Москвой. Бригада освобождала Солнечногорск и наступала по Волоколамскому шоссе. В конце февраля в результате очередного реформирования фронтовая судьба связала В.Н. Ключева с 1265-м зенитным артиллерийским полком Западного фронта. Он прошел путь от командира 37-ми миллиметрового орудия до комбата, от сержанта до старшего лейтенанта.

За годы войны батарея В.Н. Ключева участвовала во всех значимых операциях Западного фронта, так как входила в 49-ю зенитную артиллерийскую дивизию Резерва Главного Командования и ее бросали на все участки, где шли бои. Ключев В.Н. участвовал в освобождении Смоленска, Ржева и Минска, ходил по тылам противника в Белоруссии, штурмовал Кенигсберг, освобождал Польшу и Германию. И все время на переднем крае.

Задача фронтовых зенитчиков – прикрывать от самолетов противника позиции своей армии. Если погода летная, то авиация атакует практически каждый день, а первая задача авиации – подавить противозенитную оборону. Так что много раз Василий Николаевич был близко к смерти. Однажды обходился блиндажи своей батареи. Только вышел из одного – прямое попадание снаряда, и весь взвод погиб, а его отбросило взрывной волной...

За годы войны В.Н. Ключев был легко ранен (до конца жизни носил в руке осколок) и дважды контужен, но «в госпиталях не валялся» и возвращался в родную батарею. Лишь в 1992 году он все же прошел освидетельствование и был признан врачом комиссией инвалидом Великой Отечественной войны второй группы.

День Победы батарея встретила в районе г. Пархим: произошла встреча на Эльбе с союзниками по антигитлеровской коалиции (английскими войсками). Уже после этого исторического события Василий Николаевич посетил Берлин и в числе многих расписался на Рейхстаге.

Всего за годы войны при активном участии Ключева В.Н. было сбито более 30 самолетов противника. Несколько раз зенитки вступали в бой с танками и пехотой. За выполнение боевых задач Василий Николаевич был награжден последова-

тельно орденами Красной Звезды (№ 77768), Красного Знамени (№ 224555), Александра Невского (№ 1184) и Отечественной войны первой степени (№ 68619), а также медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией» и множеством грамот и благодарностей от командования. Пятый орден – Отечественной войны первой степени (№ 1116883) – и несколько юбилейных медалей были вручены ему уже в мирные годы.

**«...БЫЛО ИНТЕРЕСНО,
ХОТЯ И ГОЛОДНО...»**

Долгое время на кафедре немецкой филологии ИГПИ-ИвГУ работали супруги Колосовы Людмила Петровна и Николай Константинович. В преддверии 70-летия Великой Победы студенты факультета РГФ Зарайский Алексей и Никитенко Юлия побеседовали с нашими замечательными «ветеранами тыла», а попросту (хотя и метафорически) говоря – детьми войны.

Людмила Петровна: Я волею судьбы во время войны оказалась в Таджикистане. Мой папа до войны работал там журналистом, а потом его перевели под Ленинград. И, когда началась война, нас с мамой отправили в Таджикистан, затем вернулся раненый отец, и до 1952 года мы так и жили там. Во дворе у нас строили домик. Строили немцы. И женщины, и мужчины. В той школе, в которой мы учились, была хорошая учительница немецкого языка. Она была полька, и у нас возникла взаимная симпатия: я была ее любимой ученицей. Она даже подарила мне фотографию с подписью на обратной стороне. Так вот благодаря этой моей учительнице у меня появилась любовь к немецкому языку, и я иногда даже пыталась заговорить с немцами, которые работали недалеко от нас на строительстве дома. А уже с 5 класса у меня появилась мысль: «В Москву, только в Москву». И в конце концов я решила и поехала. И так тогда было хорошо: школьных знаний хватало, никаких репетиторов не было. Приехали в Москву. Сдали экзамены. Поступили.

...И потому, что изысков никаких не было, и в пище прежде всего, мы, детьми, в начале войны, выбегали из дома во двор и ели алычу, желтую дикую сливу, орешки с тутовых деревьев в нашем дворе, на которых мы целыми днями и висели...

Николай Константинович: А меня поразило, что Людмила Петровна на вступительных экзаменах по сочинению получила «пятерку». В Москве это была огромная редкость.

Людмила Петровна: Я сама уди-

вилась, но это объясняется моим пристрастием писать сочинения. Мы обожали писать сочинения, читать какие-то дополнительные книги... У нас же не было тогда ни телевидения, ни интернета, даже книг было мало. Нередко случалось так, что один прочитает книгу и передает ее другому. Сейчас, конечно, ситуация изменилась... Но мы не страдали, из книг узнавали много нового. Так что было интересно, хотя и голодно. И потому, что изысков никаких не было, и в пище прежде всего, мы, детьми, в начале войны, выбегали из дома во двор и ели алычу, желтую дикую сливу, орешки с тутовых деревьев в нашем дворе, на которых мы целыми днями и висели.

Николай Константинович: Мне вспоминается одна книга Недогонова. Там главный герой спасся от голода как раз тем, что уехал на юг, в те края. Вас таджики-то и спасли! Они вообще молодцы все были, и таджики, и узбеки, столько приняли нас, беглецов из западных областей.

Людмила Петровна: Но мы им тоже помогали... С 5 класса, например, нас посылали собирать хлопок. Норма была – 16 кг ваты! Её нужно было достать из высохших хлопковых коробочек с очень острыми кончиками. Вата внутри, за ней приходилось лезть голыми руками... Ну, а потом все руки были в ссадинах...

Николай Константинович: А я шел к выбору этой специальности длинным путем. Во-первых, меня всегда удивляло слово. И особенно меня подтолкнул Гоголь, его произведение «Мертвые души». У Чичикова был кучер, которого интересовали все незнакомые слова, он подряд читал всё, что попадется, читал, не понимая, и удивлялся всё время: «Надо же, вот написано ведь что-то, и это что-то обозначает, а я вот не знаю».

До войны семья наша жила в Мурманске. Когда началась война, мы полтора месяца не могли эвакуироваться, а потом эвакуировались в Кировскую область. Нас завезли в самую глушь, 70 км от ж/д-станции. Но оказалось, что там и школы, и библиотеки, и народу полно эвакуированного. И я оказался в окру-

Детская карточка – сахар, крупа...

По граммам, что и представить-то сложно.

Боже, как норма жестоко скупа!

И кажется нам – так прожить невозможно.

А при утере голодная смерть

Тихою сапой войдет во дворы...

Боже, как страшно им было терпеть

Голод, тем детям военной поры.

жени людей многих культур. Там были и эстонцы, и белорусы, и украинцы, и немцы, и литовцы. Сколько людей – столько и языков. Я удивлялся. Как же так, картинки, вроде, к сказкам Братьев Гримм, но надписи на эстонском. Меня просили: «Почитай!», и я читал то, что напечатано. Но меня не понимали. Оказывается, можно не понимать, а потом разъяснить. Мне объяснили, что это называется перевод.

А особенно меня поразило в эстонской библиотеке полное собрание сочинений Ленина, красивое такое, и на эстонском языке. И мы делились мыслями с мальчишками: «Надо же, какой умный Владимир Ильич Ленин, столько книг написал, да еще и по-эстонски!» И учительница объяснила мне тогда, что это перевод.

Там, где мы жили во время войны, некоторые ребята называли себя эстонцами и учили меня (как они говорили) эстонскому языку. А потом, когда я уже выучился и начал вспоминать, оказалось, что слова-то немецкие были. Они просто не хотели афишировать, что они немцы, во время войны. Все эти вещи подтолкнули меня. Вот это хорошая специальность, думал я, можно быть и переводчиком. Сочинение вступительное не смог на «5» написать, только на «4», но всё равно по конкурсу прошел.

В Мурманске, когда мы вернулись после войны, немцы восстанавливали ими же разрушенный хлебозавод. И вот сидим, время обеда, стук в дверь, входит немец, молодой парень, лет 17. Он по-русски пытается сказать, хлеба просит, а мама отругала его, сказала, что мол, вы всё разрушили, а вам еще и хлеба. Из-за вас мы так плохо и живем. Он извинился и вышел. А потом мама опомнилась и сказала: «Ну что ж я в самом деле, человек же он тоже. Позови». Я выбежал. Коридор длинный, но он еще по нему шел, я решил крикнуть ему по-немецки. Крикнул: «Gehen!» (иди). А куда gehen? (куда идти-то? Сюда или, наоборот, уходя – уходи?). Но он меня понял, вернулся, мы его накормили. Хлеба у нас уже к тому времени не осталось, поэтому дали ему картошки и рыбы. Он благодарил. Пока он тут стоял, я вниматель-

но рассматривал его одежду, мундир. Я увидел, что пуговицы новые, не потертые, значит, он и в боях не успел побывать, сразу в плен.

...Но меня не понимали. Оказывается, можно не понимать, а потом разъяснить. Мне объяснили, что это называется перевод...

Дети войны всякие были, страдавшие, пострадавшие люди. В лагерях. Дети полков, воевали, погибли некоторые. Мы относимся к категории детей войны обычных, благополучных. Однако всё же не к особо благополучным, потому что бомбили несколько раз. Один раз мы с младшим братом бежали, спасались в щели, от осколков, с нами рядом пролетел немецкий истребитель. И бил из пулемета, но пронесло. С тех пор я стал неравнодушным к немецким летчикам, и уже позднее, когда я знакомился с немецкой стороной, с пленными в Мурманске, интересовался, нет ли среди них летчиков. Не было. Мне было интересно, за что хотели меня убить. И я вспомнил я об этой бомбежке позднее. Тогда-то это быстро забылось. Прошло, и ладно. Тогда ведь трудно было воспринимать это как трагедию, все бегут, спасаются, и мы бежим. А вот сейчас понимаю, ведь могли и попасть в нас. Мы с Людмилой Петровной во время войны не только страдающей стороной были, но и действующей. Мы работали. Вот я вспоминаю, что у нас даже детская бригада была. Там закрепили за нами быков, телеги, выдали мазь колесную, и мы работали. Конечно, нас никто не заставлял, просто просили помочь. Мы помогали.

Людмила Петровна: Вот так вот время идет, сейчас уже мы, дети войны, пенсионеры.

Николай Константинович: Вот мы с Людмилой Петровной являемся, как я уже сказал, членами общественного движения «Дети войны», чтобы как-то не забывали детей войны, помогали им каким-то образом. Ну, пока возможности нет, видимо. Но единственное, что сделала КПРФ, – они выпустили медали. И выделили нас таким образом. За это им спасибо!

ВОЕНКОМ БОЕВОЙ ЭСКАДРИЛЬИ

О.М. КАРПОВА

В годы Великой Отечественной войны мой отец Михаил Васильевич Шило был комиссаром 2-й авиационной эскадрильи 41 скоростного бомбардировочного авиационного полка, замкомандира 2-й по политчасти 41 Воронежского штурмового авиационного полка, замкомандира по политчасти 217 штурмового авиационного полка 299 Нежинской Краснознаменной авиационной дивизии. В то время в боевой расчет экипажей комиссары не входили. Однако мой отец, еще со времен срочной службы, летая флагманским воздушным стрелком-радистом и хорошо зная вооружение скоростного бомбардировщика, добровольно вылетал на боевые задания вместе с летчиками, рискуя своей жизнью. Будучи чрезвычайно смелым человеком, личным примером мужества и отваги в бою поддерживал боевой энтузиазм, который царил в полку. Ему довелось сражаться на Южном, Брянском, Воронежском, Центральном и 1 Белорусском фронтах под Ростовом, Ельцом, Орлом, Курском, Конотопом, Нежином, Гомелем. За боевые заслуги и безупречную службу в рядах Советской Армии награжден двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Красного Знамени и девятью медалями СССР. 16 октября 1943 г. во время форсирования Днепра в районе г. Лоева он был сбит, горел, остался жив. Вот как описывает в своих мемуарах «Итоги пройденного пути» М.В. Шило этот случай.

«И в воде не тонет, и в огне не горит»

АННА ПУХОВА

Праздник Великой Победы всегда был особенным для меня. Я горжусь тем, что русский народ совершил такой подвиг, победив фашистскую Германию в этой жестокой, беспощадной войне. Какой ценой далась нам эта победа, сколько жизней она унесла... Я хочу рассказать о жизни моего деду, героя Великой Отечественной войны, Пухова Евгения Михайловича. Этот человек очень дорог мне не только потому, что он мой дедушка и я ношу его фамилию, а еще, конечно, потому, что у меня сохранились самые теплые воспоминания о нем. На его долю выпало немало испытаний, и все он вытерпел, через все прошел и сохранил душевную чистоту до самой смерти. Да, я не побоюсь это сказать: он был чистый человек, от него исходило добро.

Мой дедушка родился в 1918 году в деревне Попово Юрьевецкого района, очень хорошо закончил семилетку. Когда дедушке было всего 12 лет, у него умерла мама. Со слезами на глазах вспоминал он, как выписывал свидетельство о смерти матери. После окончания школы уехал в Юрьеvec, где поступил в техникум без экзаменов. Но, проработав год, он бросил техникум, так как после смерти матери его отцу было трудно учить детей. И пошел дедушка работать лаборантом, а вскоре, в 1938 году, его забрали в армию. Служил он до 40-го на Черноморском флоте, а с октября 40-го – во 2-м Балтийском отряде пограничных катеров старшиной группы комэндоров (артиллеристов). Война застала его на Балтийском море. В 1942 году корабль деда был перебазируван к Ленинграду, где он пережил блокаду. Моряки защищали Финский залив. Очень не любил дедушка вспоминать о том времени... Голодали наравне с блокадниками. Раз в месяц в холодной бане мылись холодной водой.

После снятия блокады дед плавал на катере МО-4 («Морской охотник»), который имел 3 авиационных двигателя и развивал большую скорость. «Морской охотник» бомбил немецкие подводные лодки. Весной 43-го катер подорвался на mine. Деда вынесло, и он оказался в холодной морской воде. Через час его подобрала бригада, и он попал в госпиталь в ужасном состоянии: у него было обожжено все лицо и обморожены ноги (вода была ледяная, а на ней горел слой топлива). Дедушке Жене ампутировали бы ноги, если бы опять не случился случай. Хирург, который должен был делать операцию, оказался его земляком, он сделал все, чтобы сохранить ему ноги. Так оно и получилось. Все лето 43-го дед лечился, а в августе его демобилизовали домой.

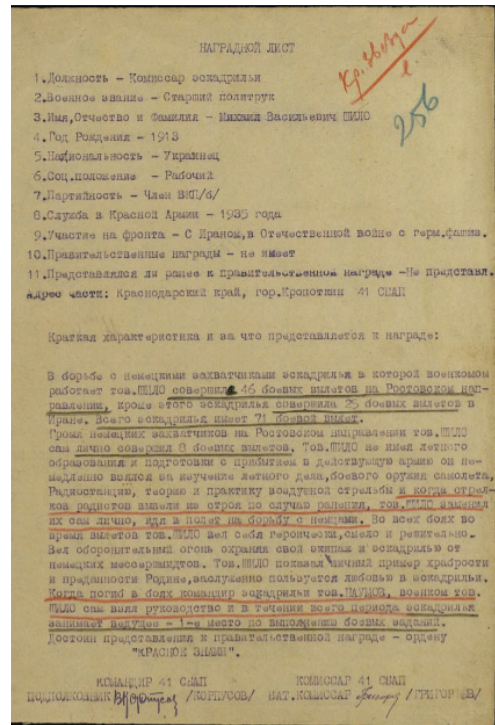
С мая по октябрь 45-го он работал шофером в Москве. Однажды под колеса к нему кинулся пьяный, дед не успел затормозить и сбил его. Он сидел в тюрьме, но в конце концов его оправдали. Он не попал на праздничный Парад Победы, хотя имел на это полное право.

Я никогда не перестану удивляться тому, что произошло с моим дедом и как он после всего еще остался в живых. Мне становится жутко от одной мысли, что смерть была рядом с ним... Да, видно, не судьба была утонуть или сгореть деду в Балтийском море, и не судьба была ему быть расстрелянным своими же!

Это произошло еще до блокады, когда дедушка служил на катере, который перевозил раненых с острова Лавансария в Ленинград. Однажды он опоздал, и катер ушел без него. У него отобрали все ордена как у труса и хотели расстрелять за предательство. К счастью, до этого дело не дошло, но за эту провинность его несколько раз посылали в опаснейшие рейды. А тот катер, который ушел без него, подорвался на mine, и вся команда погибла...

Вот столько пришлось деду пережить за время войны. Многого повидал он и многое испытал. После войны он вернулся домой, женился, работал в Кинешем грузчиком на Красноволжском комбинате, бригадиром. Зарекommenдовал себя хорошо, ему даже автомобиль предлагали купить вне очереди, когда за ним стояли десятилетиями. Я удивляюсь везучести деда Жени. Ему и на войне, и в мирной жизни везло. Однажды он купил у своей старой знакомой последний лотерейный билет, хотя никогда не увлекался этим, и выиграл большую сумму денег, которая помогла ему построить дом.

Его не стало в 2000 году. Мне было уже 10 лет, и я хорошо помню деда. Он очень любил своих внуков, в свои 82 года не терял оптимизма. И хотя его сейчас нет с нами, он живет в наших сердцах и памяти.

«Рано утром 16 октября 1943 г. на аэродром прибыл командир дивизии. Он доложил, что в 6.30 утра штурмовые батальоны армии генерала Батова при поддержке артиллерии и штурмовой авиации в шести пунктах приступили к форсированию Днепра. Ширина Днепра в этом районе 400 м., глубина – 8–10 м. Для преодоления реки на плотах наземным группам и отрядам требуется 40 минут. Он сказал, что штурмовые группы, преодолев упорное сопротивление врага, высадились на правый берег и завязали бои за плацдармом. После короткой схватки группы штурмующих батальонов овладели первой траншеей окопов, но наткнулись на сильный заградительный огонь немецкой артиллерии. Командир дивизии приказал нашему полку тремя эскадрильями нанести бомбардировочно-штурмовой удар по артиллерии противника и подавить огонь вражеских батарей.

Я полетел с лейтенантом Оноприенко. Мы подошли к Днепру и сразу обнаружили батареи противника, которые вели прямой наводкой против наших войск, штурмующих Днепр. И вот на пятом заходе при выходе из пикирования нас атаковала батарея противника. Наш «ИЛ-2» сильно трянуло. Двигатель стал давать перебои, и через несколько секунд наш самолет загорелся в воздухе. Мы решили перетянуть через линию фронта к своим за Днепр, но только развернулись, как двигатель

сделал несколько хлопков и остановился. На низкой высоте проносимся над окопами, занятыми фашистами, по нам бьют из всех видов оружия, снапы траксирующих пуль бьют по самолету. Мы видим, что линию фронта нам не перелететь. Никогда человек не соображает так ясно и быстро, как в минуту смертельной опасности. Принимаем решение садиться прямо в лес.

В результате посадки на лес у самолета оторвало правую и левую плоскость, кабину воздушного стрелка и прислонило ее к огромной ели. Осталась только бронезащита двигателя, кабина летчика и воздушного стрелка. У меня в кабине проломался пол, сквозь него торчал срез ели. Если бы я перед падением не убрал ноги с пола кабины, наверняка их бы сразу оторвало. Двигатель носовой частью врезался в песок и продолжал гореть. При ударе обе кабины заклинило, однако я сумел выбраться и вытащить летчика, который без посторонней помощи уже не мог передвигаться, так как повредил позвоночник. Как ни странно, я отделался легкими ушибами и царапинами.

Вдруг мы заметили, что к нам бегут солдаты в касках. Мы тут же выхватили пистолеты, залегли и решили живыми в плен не сдаваться. К счастью, это оказались наши. Оказавшись, мы упали на пятки, захваченный советской штурмовой группой. Немцы открыли по

нам минометный огонь, мины начали рваться все ближе и ближе. При поддержке наших пехотинцев мы по ходам сообщения в траншее все же сумели добраться до переправы.

Несмотря на огонь противника, по наведенной переправе шли наши танки, артиллерия и пехота. Однако раненый летчик идти сам не мог, тогда я взвалил его и свой парашюты на плечи, взял его под руку, и мы двинулись по переправе через Днепр. В это время появились 16 немецких бомбардировщиков Ю-87. Они пикировали на переправу. Подумалось: «Не сгорели в воздухе, так можем погибнуть на земле». Но наши артиллеристы нас вскоре подобрали. И мы поехали на свой аэродром. Летчика я отвез в полевой госпиталь, так как ему стало совсем плохо, а сам на попутках только на третий сутки добрался до своего аэродрома. Захожу в штаб полка. Начальник штаба, как меня увидел, начал обнимать. Оказывается, нас уже объявили погибшими, а на мое место уже прислали нового товарища».

Так закончился этот боевой эпизод. Мой отец и летчик Оноприенко за форсирование Днепра и проявленное мужество и отвагу были награждены орденом Боевого Красного Знамени. Отдохнув несколько дней, они вновь принимали непосредственное участие в боевых вылетах полка.

ДОЙТИ ДО СВОИХ

АННА РОМАНОВА

Расскажу историю своей семьи, испытавшую в войну и горе, и радость, понимающую, что главное в жизни – любовь и вера.

Николай, уроженец села Весь Владимирской области, влюбился в девушку Ано из деревни Быстри под Ивановом. Оба поняли, что их чувства взаимны, поэтому уже через пару месяцев расписались. Они устроились на завод «Ивтекмаш». Вскоре родилась дочка Галина.

В 1939 году Николая призвали в армию. Он, определенный в артиллерию, сразу же попал на фронт – началась русско-финская война. В 1940 году вернулся домой. Молодые вновь стали работать на заводе, воспитывать ребенка, помогать родителям в деревне. Но счастье скоро закончилось – началась Великая Отечественная война. Николая направили в Брест, который стал одной из первых «остановок» фашистской армии. Прорвать вражеское окружение не удавалось, и не было возможности отбиваться, так как закончились все снаряды. Стало ясно – плен неминуем. Но как можно допустить, чтобы фашисты нагло топтали сапогами знамя отряда, солдатскую святую? Решили его закопать.

Николай оказался в лагере для военнопленных. Две мысли никак не оставляли его: дальнейший исход войны и судьба самых близких и родных людей (жены, дочери, родителей).

В самый первый день в плену ему очень хорошо запомнился один случай. Сначала всем приказали построиться для досмотра. К каждому подходил кто-то из работников лагеря, стараясь найти личные вещи. Отбирали все фотокарточки, письма, значки. У Николая в кармане лежало фото, присланное из дома. На нем была Аня с дочкой на руках. Подошли эсэсовцы. И тут Николая кольнуло в самое сердце: в одном из них он

узнал своего односельчанина Михаила. Тот сказал начальству, что знает этого солдата. Один из главных сам обыскал Николая, достал карточку и стал рассматривать. Поглядев на Николая, положил фото в карман.

Через несколько дней Николая привели на допрос. Его ввели в комнату, где плетью избивали молодого парня, совсем еще мальчишку. Его о чем-то расспрашивали, но он не отвечал, и удары становились все сильнее. Еще чуть-чуть, и забили бы до смерти. Николай не выдержал, подбежал, оттолкнул плечом парня, подставив свою спину.

Непокорное поведение советских солдат разозлило начальника лагеря. Николая и многих других в тот день приговорили к расстрелу, вывели за территорию лагеря на дорогу, по обеим сторонам которой стояли автоматчики. В назначенное время они должны были открыть огонь, но до оговоренной минуты курка не спустили. Николай шел в первом ряду первой колонны. Он, как и многие другие, уже понял, что сейчас погибнет и больше не увидит семью. Но команды «Огонь!» все не давали. И каждый подумал, что такой шанс упустить нельзя. Кто-то крикнул: «Бежим!!!» Первые два ряда бросились враспынку. Немцы тут же открыли перекрестный огонь. Убегать смогли только 10 человек, включая Николая.

Теперь одна мысль занимала умы солдат: «Только бы дойти до своих!» Это было непростое. Пробираясь лесом, они ели кору, ветки, мышей. Об отдыхе даже не думали. К своим вышли через два месяца.

В части, в которой служил Николай, узнали, что тот попал в плен. Так как мало кому удавалось оттуда вернуться, начальство решило послать похоронку. Когда Анна получила ее, стало трудно дышать. И невозможно было поверить в такую утрату. Все соседки и сослуживцы утешали как могли (война не обошла стороной ни одну семью, и ни одно сердце не оставалось равнодушным). Она практически не выходила с заво-

да, стоя за станком сутками по несколько смен, делая снаряды, чтобы прокормить семью. Галина была еще маленькой, и Анна отпускала женщину из цеха посидеть с ней, а сама работала за двоих.

Николаю удалось выбраться к нашим. Истощенному и сильно уставшему, ему хотелось только одного – встать в строй. С советскими войсками он прошел через Восточную Пруссию и под командованием И.Х. Баграмяна участвовал в нескольких наступательных боях, открывших проход на Берлин.

Кончилась война! 9 мая 1945 года было одним из самых счастливых дней в жизни семьи Матвеевых. В письме домой Николай сообщил, что ждет всю семью в Берлине. Его назначили работать в комендатуру советской части этого города. Анна плакала, читая долгожданную весточку. Со всей любовью, хранившейся в сердце, она написала ответ, однако категорично отказалась от переезда: «К фашистам я не поеду!»

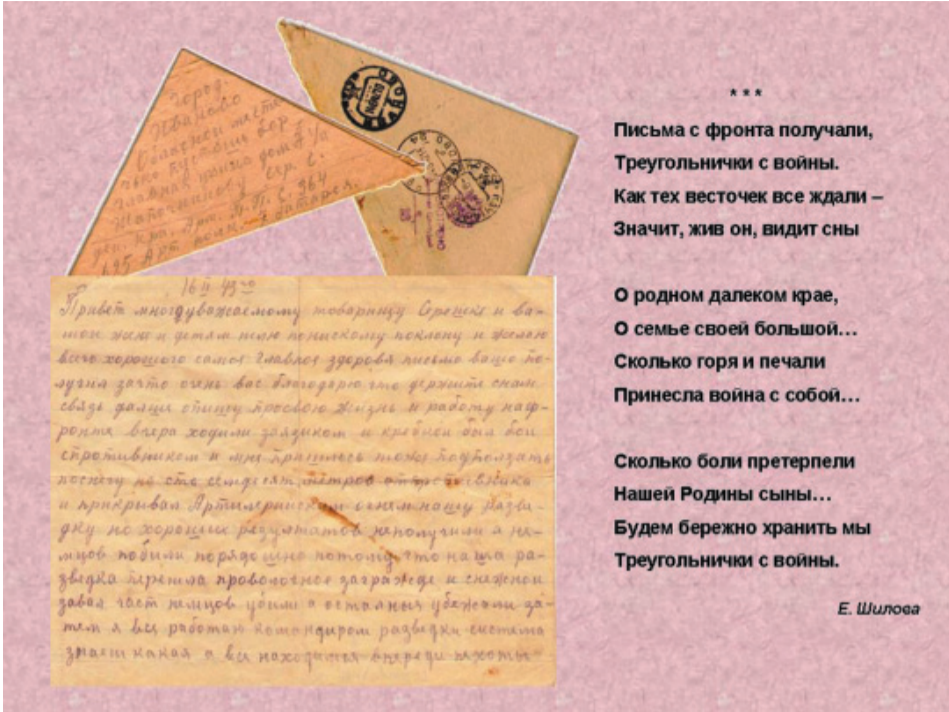
...Николай приехал в Иваново, неся за плечами трехколесный велосипед для дочери. Он-то все еще помнил Галину маленькую, а ведь ей было уже 6 лет. Увидев в дверях своего отца, она назвала его чужим дядей, так как сама видела на него похоронку, да и на всех еще довоенных фото Николай был молодым кудрявым парнем, а вернулся с залысынами. Только Анна убедилась, что это ее папа.

Потом предстояло два важных дела: в первых, рассказать в органах о предательстве Михаила, во-вторых, показать военному начальству, где солдаты закопали знамя отряда перед пленом.

За свою жизнь Николай и Анна получили много орденов и медалей.

Николай Тимофеевич и Анна Сергеевна Матвеевы – мои прадедушка и прабабушка. Сейчас их уже нет в живых, но вся семья благодарна им за храбрость, безграничное мужество и любовь, пронесенную через всю войну. Есть ли у меня герои? Да, и это именно они.

ГОЛОСА ИЗ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

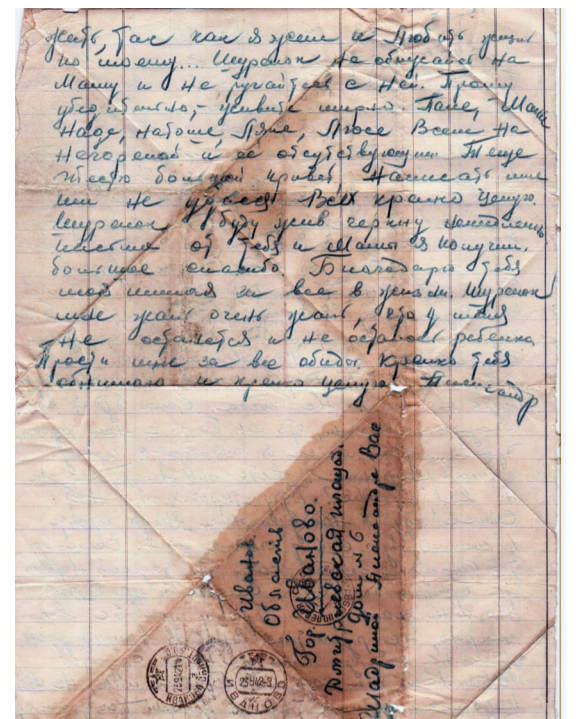

 Письма с фронта получали,
 Треугольнички с войны.
 Как тех весточек все ждали –
 Значит, жив он, видит сны

О родном далеком крае,
 О семье своей большой...
 Сколько горя и печали
 Принесла война с собой...

Сколько боли претерпели
 Нашей Родины сыны...
 Будем бережно хранить мы
 Треугольнички с войны.

Е. Шилова

ИРИНА ЗАЙЦЕВА

Эти письма я сфотографировала в школьном музее 4 школы.

1 и 2. Письмо солдата Володи Фурмана матери Евгении Петровне: «Вчера получил твое письмо и был несказанно рад. Ведь я не получал ваших писем несколько месяцев...»

3. Послание рядового Г.Г. Дудникова, написанное на трофейной немецкой бумаге: «...в настоящее время нахожусь на территории Германии, живу пока хорошо, здоровье тоже хорошее. Да, дорогой пока можно писать, жив и здоров, но не знаю, что будет завтра. Завтра пойдем в бой...»

4. «9.9.42 Женя! Я жив и здоров. У нас идет дождь, и погода сразу стала осенней. Часто проезжаю через ту деревню, где жила ты...» (Павел Белов, Герой Советского Союза, отрывок из фронтового письма жене).

«Здесь в почете смерть»

АНАСТАСИЯ БРАГИНА

«Здравствуй, моя дорогая Шурёнок!..» – этими словами начиналось каждое письмо, адресованное моей прабабушке Александре Васильевне Шадриной. Я застала ее, будучи маленьким, бестолковым созданием, и плохо помню ее внешность, голос, характер. Но именно благодаря Александре Васильевне я смогла познакомиться со своим, пусть и не родным, прадедушкой. Он был ее первым мужем. Очень красивый, статный мужчина. Александр Николаевич Шадрин был электриком, профессионально занимался футболом (был участником футбольной команды, возможно, сборной команды профсоюзов г.Иваново). Из его писем я поняла, что он был еще и поэтом. Стихи, которые он писал на грязных клочках бумаги, сейчас трудно разобрать, однако от некоторых строчек так и веет прошлым...

Согласно первому письму, Александр прибыл в пункт формирования воинских частей 18 августа 1942 года. В письме к жене он пишет, что находится в «городишке Муром». Не успел солдат опомниться, как вместе с частью продолжил поход дальше. Все письма просматривались военной цензурой. Точные адреса, важные данные о ходе боевых действий, даже жалобы на плохую жизнь часто затерты. Воевал Александр Шадрин в 161-ой стрелковой бригаде (она же 161-я курсантская стрелковая бригада) в роте автоматчиков. На фронте находился с 25 сентября 1942 г. по 24 января 1943 г.

«Еду защищать свою любимую родину, свою семью, тебя. Иду за всех вас. Крепко целую и обнимаю. Всем привет. А. Шадрин», – читаем в одном из первых писем. Александр описывает обстановку, в которой находились наши войска во время боев на Северо-Западном фронте, осенью 1942 года. «Живу все время на улице, сплю в земляных ямах. Кругом окружает местность лесных болот. От проклятых комаров нет жизни, ни днем, ни ночью. Одним словом, вьются тучами и, как говорят, заедают на смерть. Ночи здесь чертовски холодны, влажны и туманны. И одна шинель, которую надо и подстелить, и укрыться. Вполне естественно, что она не может обеспечить теплом. Выходит, что в отдых сна прозябаешь в полузабытьи и видишь сны, просыпаешься 3-4 раза за 5-6 часов отдыха в сутки. И на весь день, равный столетию, остаешься усталый и истомленный. Но всё это ещё полбеды, скорее бы только кончилась война, истребить немецких гадов, навязавших нам кровопролитную войну. Жалко смотреть даже на природу, и она какая-то стала не живая и не похожа сама на себя». Часто, читая книги, стихи о войне, мы представляем себе эти страшные

годы отстраненно! А тут письмо, старое, истертое до дыр, но такое правдивое, не украшенное литературной речью, родное!

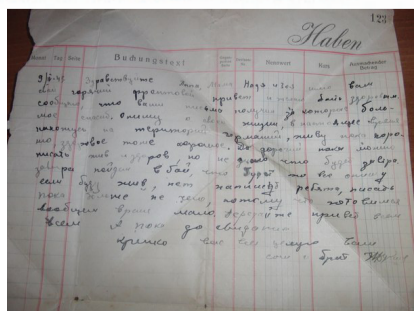
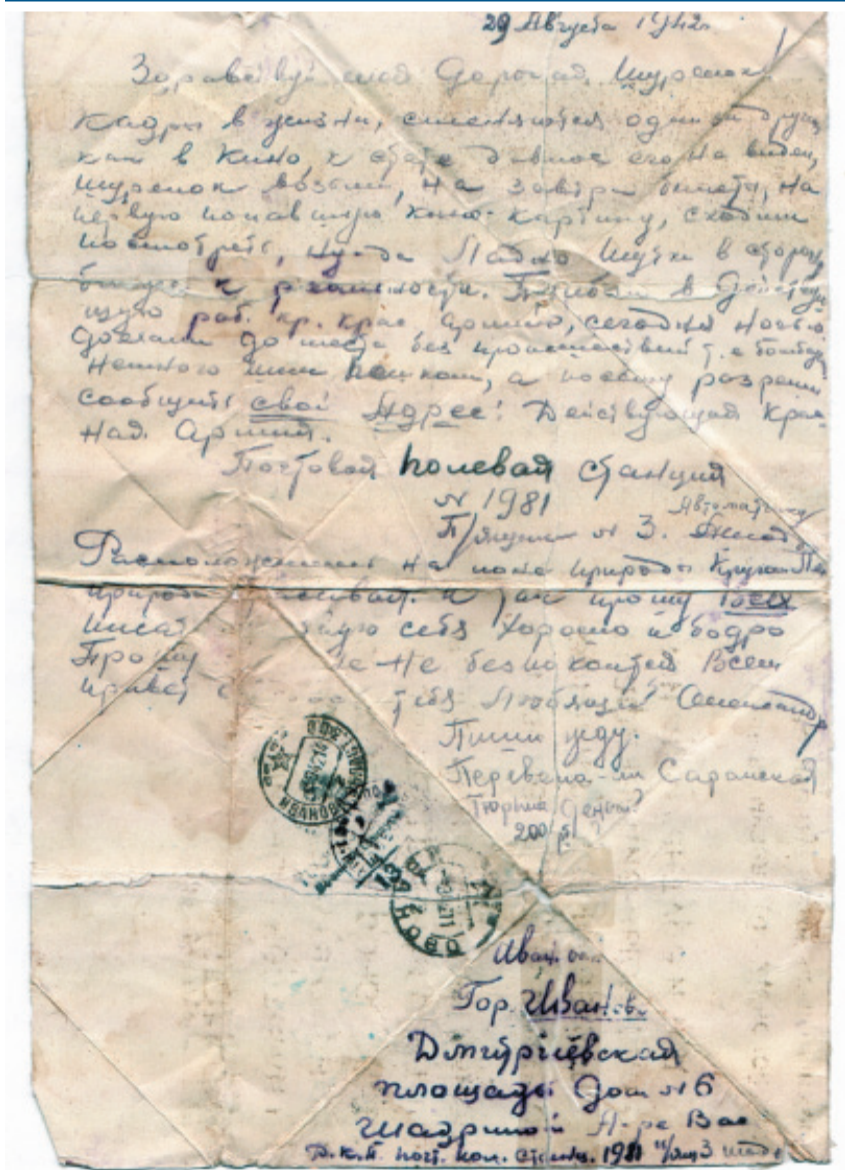
Александр воевал примерно месяц. Случилась контузия, и он долгое время находился в госпитале, где открылось серьезное заболевание мозга. Каким тяжелым для него был этот месяц, мы с вами и представить себе не можем. Бои шли под Ленинградом, Новгородом, Калинином – немцы наступали хорошо обученной и обеспеченной армией. Наши солдаты должны были противостоять. Один воевал за сотни, не жалея своей жизни, помня, что у каждого за спиной семьи, дома – Родина.

«Прошедшие сутки – это время целых столетий, все сутки находился под миномётным обстрелом, что пережито, не выразить словами. Были минуты или, вернее, секунды на полное отсутствие надежды на существование. Но в этот день я был чудесно охраняем судьбой. Семь раз рвались мины от меня в 1,5–2-х метрах. Соседи по бою разорвались на куски снарядами. Их тяжело ранило или поубивало вовсе. Со мной рядом был убит в полтора шагах от меня мой политрук роты, автоматчик т. Бондаренко Т.И. Хороший товарищ по бою. Милый Шурёнок! Есть ли надежда на возвращение? Буду откровенен, – нет. Сейчас иду в наступление, надо пройти 1,5 километровую стену огня и мин. Смерти я не боюсь».

«В боях за Советскую Родину красноармеец 161 бригады товарищ Шадрин Александр Николаевич «25» сентября 1942 г. был легко ранен. «Остаточные явления общей контузии» (диагноз ранения)» – так было сказано в справке ЭГ №1927 (эвакуационный госпиталь) о ранении. В своих письмах Александр сообщал о сильных головных болях, жаловался на глухоту. «Состояние моё не улучшилось, а наоборот, болезнь вошла во вкус. Врачи говорят – «остаточное состояние контузии». Я его описываю подробно: непрерывный шум в правом ухе, головокружение. Боль настолько сильна, что разрывает правую сторону верхней и нижней челюсти. Зубы ноют, как будто гнилые. До правой стороны головы больно дотронуться рукой. Чувства такие, как будто вся голова нарываёт. Мои ночи бессонные» – в таком состоянии Александр был выписан из госпиталя и в последний раз отправлен в бой.

Александр Николаевич Шадрин скончался 24 января 1943 года от водянки головного мозга на деревянных нарах в темной, сырой землянке. Последнее письмо, которое получила моя прабабушка, писал Жеребцов Алексей Андреевич – старшина и земляк Александра Шадрин. «Он у меня находился три дня всего и помер у меня. Я его и хоронил...»

«Приеду, привезу Вам конфет, а что ещё?» – писал он. Но так и не приехал.

ВСПОМИНАЯ ВЛАДИМИРА ЖУКОВА

Текст и фото – ЮЛИЯ МИХАЙЛЫЧЕВА

Свое 95-летие 31 марта отметил бы известный ивановский поэт-фронтовик, выпускник нашего тогда еще педвуза, Владимир Семенович Жуков. Автор около 30-ти поэтических сборников, прошедший огненными дорогами Финской и Великой Отечественной войн, он ушел от нас около 10 лет назад, но остался в благодарной памяти многих ивановцев. К дню рождения В.С. Жукова в просторном читальном зале ИвГУ состоялась встреча его памяти. Там же до конца апреля организована выставка «Позывные простреленного сердца», собравшая фотографии Владимира Жукова, в том числе и фронтовые, его стихотворные сборники; книги других авторов, развернутые к зрителям листами, посвященными поэту; а также письма.

Наш талантливый земляк внес заметный вклад в поэзию Ивановского края. Его стихи и поэмы можно охарактеризовать как исповеди о любви, дружбе и верности, выраженные в форме лирических и философских рассуждений: они поднимают острые нравственные проблемы. Не удивительно, что за книгу стихов «Иволга» поэт был удостоен Государственной премии РСФСР имени Максима Горького. Владимир Семенович имеет много и других наград, и большая их часть, безусловно, отражает боевые заслуги перед Отечеством: Орден Красного Знамени, Отечественной войны I и II степеней, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Октябрьской Революции и Дружбы народов.

Прежде всего слово предоставили проректору ИвГУ по научной работе и международным отношениям С.А.Сырбу. Светлана Александровна акцентировала внимание на том, что день памяти известного ивановского поэта – значимое событие для нашего университета. В это же время публика успела посмотреть небольшую электронную презентацию о Владимире Жукове.

После выступлений официальных лиц, к началу второго часа, аудитория не только не утомилась, но даже оживилась. И, что ценно, приободрилась молодежь начальных курсов. Некоторые студенты второго курса подготовили для мероприятия стихотворения Владимира Жукова. Читали наизусть, и публика шевелилась в буквальном смысле слова, ожидая выхода очередного чтеца.

Руководили «сценарием» встречи почетные гости: родственники, друзья и коллеги поэта. Леонид Таганов, профессор нашего университета, Юрий Орлов, ответственный секретарь Ивановской писательской организации, Лариса Щасная, поэтесса и лауреат общероссийской премии имени К. Бальмонта, рисовали «Володю Жукова» таким, каким, наверное, никто из аудитории его не смог бы представить.

Каждый говоривший хорошо знал поэта, дань чьей памяти мы отдаем. Юрий Орлов вспоминал Владимира Семеновича как очень оригинального человека, что касалось и бытовых мелочей:

«Многое из того, что его окружало, смастерил, а лучше сказать, сфантазировал сам. Обращала на себя внимание затейливостью формы настольная лампа, изготовленная им с использованием стреляной артиллерийской гильзы».

Отношения Юрия Васильевича и Владимира Семеновича напоминали родственные узы: к другу Орлову советский поэт-фронтовик, в силу разницы в возрасте, относился с теплотой отеческой любви. Дальше из рассказа близкого друга «Володи Жукова» мы узнаем поэта уже

не только как талантливого и видного уже в то время автора, коммуникабельного человека, о котором «знали на всем пространстве от Прибалтики до Камчатки» и всегда считали нужным расспросить Юрия Васильевича о знакомце, припоминая удовольствие от общения с ним, но и с другой стороны – в образе харизматичного джентльмена. По словам Орлова, Жуков, как никто, всегда знал, как сказать женщине комплимент, пригласить на танец и, в целом, быть галантным и блистать в кругу, где присутствуют представительницы прекрасного пола.

Слово передали Владимиру Николаевичу Князеву, члену Союза писателей России и главному редактору газеты «Слово Правды». От микрофона Владимир Николаевич отказался, ибо обещался говорить громко. Действительно, аудитория слышала и так. Однако видно было, волновался... Оттого повествование воспринималось только живее.

Они были соседями по даче в Ломах с Владимиром Семеновичем, поэтому в последние годы жизни поэта «сидели под вековыми соснами и неторопливо вели разговоры о литературе, политике, детях». Тогда, в один из летних теплых вечеров, старший друг в нескольких фразах оценил свой творческий путь:

«Мне грех обижаться на свою литературную судьбу. Она была благосклонна ко мне. В 27 лет принят в Союз писателей. Стал участником первого Всесоюзного совещания молодых литераторов. Две зимы учился на Высших литературных курсах, куда меня направил сам Александр Трифонович Твардовский».

Публике особенно запомнился рассказ про «грибников», который Владимир Князев припомнил, указывая на удивительную дальновидность и находчивость своего коллеги и друга. Дело было так:

«Позвал как-то Владимир нас по грибы. Мы согласились. Потом встретились. Оделись специально для леса. А он пришел в белых джинсах и светлой рубашке. По грибы! Удивились. Ну ладно, поехали. Приехали мы в лес. Обходили не одну поляну. Ни одного гриба не нашли! Тут Владимир достает бутылочку. Ставит на пенек. Мы, нас еще несколько человек было, ее культурненько распиваем. ...А к вечеру отправился на танцы. Все мы, кроме Володи, в одежде «для грибников», а он сам уже «при параде». Значит, знал, предвидел. Ко всему всегда готов был!»

Другие гости несколько раз указывали на способность Владимира Семеновича дружить и находить себе единомышленников. Вероятно, не все знают, что благодаря ему в Союз писателей вступил Леонид Таганов. Жуков говорил тогда коллегам о Таганове: «Этот человек хороший, он нам нужен!». Также Владимир Семенович открыл нам одного известного ныне узнаваемого автора, поэта-фронтовика. В начале 60-х годов, обучаясь в Москве на Высших литературных курсах, Жуков принес в редакции «Ленинца» и «Рабочего края» стихи своего товарища. Так состоялись первые посмертные публикации Николая Майорова. Об этом исторически важном эпизоде упомянула на встрече Лариса Щасная.

Приближаясь к завершению мероприятия, организаторы встречи предложили всем присутствующим в зале обратить свое внимание на листы с напечатанными стихотворениями Владимира Жукова. Эти «распечатки» лежали на каждой парте, любой желающий мог взять одну с собой – в память о необычайно дружелюбном и жизнелюбивом человеке, талантливым и глубоко чувствующем поэте, Владимире Семеновиче Жукове.

В.С. Жуков с однополчанином, Чехословакия, 1945 г.

В апреле отмечает свой юбилей Тамара Александровна Воронова -

кандидат педагогических наук, доцент, многолетний заведующий кафедрой педагогики, а ныне профессор кафедры педагогики и образовательных технологий.

С именем Т.А. Вороновой связаны заметные успехи в деятельности кафедры и в целом – в организации научно-педагогической работы вуза. Т.А. Воронова – организатор одного из первых в России Учебно-научно-педагогического комплекса (УНПК) «Университет – лицей № 22», на базе которого под ее научным руководством более 25 лет ведется серьезная многоплановая работа по подготовке студентов к будущей профессиональной деятельности, по совершенствованию педагогического процесса в лицее на основе личностно-деятельностного и компетентностного подходов. За эти годы УНПК стал также при-

знанным центром повышения квалификации педагогов. Педагогический коллектив лицея № 22, который более 25 лет сотрудничает с кафедрой педагогики и ОТ, в конкурсе лучших школ России в рамках Национального проекта «Образование» трижды становился победителем, а 19 учителей выиграли конкурс на звание лучших учителей. В этих победах отражается большая совместная научно-методическая и инновационная деятельность ИвГУ и лицея № 22, научным руководителем которой является Т.А. Воронова.

С 1987 года Тамара Александровна совмещает свою работу на кафедре педагогики с практической работой в школе в качестве учителя математики профильных математических классов лицея № 22, преподавателя элективных курсов. Знание реальной

школьной действительности дает возможность сделать подготовку будущих учителей практико-ориентированной, а работа над инновационными проектами совместно с учителями и коллегами из ИвГУ позволяет влиять на продуктивное развитие современной школы.

Т.А. Воронова ведет большую научную работу, является научным руководителем аспирантов и соискателей кафедры. Под ее руководством защищено 9 кандидатских диссертаций, тематика которых связана с совершенствованием подготовки учителя и внедрением технологии личностно-ориентированного образования в практику работы высшей и средней школы. Т.А. Воронова – участник многих международных и Всероссийских семинаров и конференций, активно выступает с докладами и

сообщениями по научно-исследовательской и научно-методической проблематике, автор более 180 работ, опубликованных в центральных и местных изданиях. Имеет множество наград и благодарностей. **Представитель редакции газеты «Ивановский университет» встретила юбиляр, чтобы задать несколько вопросов.**

Просветите, пожалуйста, гуманитария – как вместе уживаются математика и педагогика? Что Вам даёт этот союз?

Они замечательно могут уживаться. Среди моих учеников в исследовательской деятельности, аспирантов есть яркие представители, которые прекрасно сочетают в себе математический стиль мышления и гуманитарную подготовку. Это даёт, мне кажется, логичность, чёткость мысли, умение выделять главное, строить алгоритмы, выводы и, в конечном счете, помогает в исследовательской и преподавательской работе. Как говорит моя коллега и учитель Татьяна Яковлевна Сенкевич, если поручить какое-то дело математику и не математику, то математик это дело – любое! – сделает всегда лучше, чем не математик. Видимо, причина – в общелогической структурированности или определённом стиле мышления, который помогает.

Кстати, о Вашей работе в лицее. Вы являетесь организатором одного из первых в России Учебно-научно-педагогических комплексов (УНПК) «Университет – лицей №22». Чем так важна эта работа, как Вы оцениваете её успешность?

Мне-то оценивать эту работу трудно, поскольку я её организатор. Её должны оценивать другие – хотя правильно напомним, что самооценка должна идти впереди оценки. Больше 25 лет существует у нас это сотрудничество лицея и университета, и, с одной стороны, оно всегда было направлено на улучшение практической подготовки наших будущих учителей (в рамках конкретного образовательного учреждения и конкретной школы), а с другой – помогало самой школе в повышении квалификации педагогов, что, естественно, отразилось и на повышении качества образования, поскольку мы одни из первых в 90-х годах начали внедрять профильное обучение. Сейчас это входит в стандарт среднего образования, который реализует профильность. Важны учёт интересов, склонностей и возможностей ребят в определённой области знания – не профессии, а знания. У нас там гуманитарии, естественнонаучное направление, математики (я, в частности, была учителем сильного математического класса). И, изучив опыт

жизненного пути наших выпускников, могу с уверенностью сказать, что идея углубления и профильности отдельных предметов в старших классах – это современная идея, которая позволяет ребятам уделять больше времени тому, что им нравится и в чём они чувствуют себя как рыба в воде (не забывая, конечно, и другие сферы). Они могут лучше подготовиться к поступлению в высшие учебные заведения, а самое главное – гораздо более качественно учиться в этих учебных заведениях, это мы видим. И вот поэтому многолетнее сотрудничество университета и лицея принесло очень большую пользу учащимся, что отмечают и их родители. Многие дети наших университетских преподавателей заканчивали 22-й лицей, и мы видим, кем они стали в жизни – хорошими, квалифицированными специалистами.

Само превращение школы в лицей свершилось под знаком данного сотрудничества. А затем лицей трижды становился лауреатом премии президента «Национальная образовательная инициатива!» У нас 17 учителей, а некоторые по два раза, получили премию президента в рамках национального проекта «Образование» – это больше всех в области. То есть мы имеем полное право сказать: наши общие заслуги оценило общество и государство. Но и проблемы, безусловно, сейчас есть. В последнее время в силу объективных причин наше взаимодействие ослабло. Ведь когда-то более 25 преподавателей университета работали в лицее! Вели спецкурсы, курсы по выбору – перечислять можно очень и очень много, например, Вашего заведующего кафедрой Сергея Леонидовича Страшнова.

Совмещение работы в школе и в вузе приносит больше пользы или вреда? Ведь на этот счёт существуют разные мнения...

Безусловно, мнения есть разные, но вот наши старшие профессора Николай Васильевич Савин (недавно ушедший из жизни) и Галина Александровна Засобина, когда я только пришла работать, придерживались совершенно однозначной позиции: преподаватели нашей кафедры обязательно должны совмещать работу на кафедре с работой в школе. И тут даже доказывать

ничего. То есть, если мы работаем с учителями и студентами как будущими педагогами, мы должны сами, лично... ну, грубовато будет сказано, но на собственной шкуре попробовать, что это значит. И если я рассказываю учителям, как надо, а они сидят, слушают меня и думают: сама бы пошла и попробовала, то, когда я говорю, что сама пошла и попробовала, и приглашаю их на свой открытый урок – совсем другое дело! Они посмотрели, как это делается в реальности, увидели и плюсы, и минусы, и мою не боязнь говорить о проблемах – идеально же никогда ничего не проведёшь! – и так далее, и это совершенно другой уровень профессионального общения между учёными и практиками. Поэтому я считаю, что от работы в школе безусловная польза, и мы сейчас продолжаем эту идею Николая Васильевича. Вот Ирина Алексеевна Дельцова – учитель биологии в лицее «Гармония», Елена Валерьевна Мельникова – учитель математики в 43-ей школе. Идея совмещения у нас, конечно, продолжается и, как мы считаем, приносит только пользу всем, хотя и бывает трудно физически.

Что Вы считаете главным в своей научной и педагогической деятельности? Ваше кредо?

Я не люблю таких формулировок, но попробую объяснить. Дело в том, что у преподавателя вуза в одно время превалирует научная работа, а другой отрезок времени он, допустим, посвящает педагогической работе. Вот у меня так складывалась жизнь, что организаторская и практическая работа – в вузе, в школе – занимала больше времени. Я много времени уделяю разработке курсов, различных технологий. Это не значит, что я не занималась научной работой. У меня есть и книги, и статьи, и исследовательская работа студентов, и экспериментальная работа школьных учителей осуществляется под моим руководством. Но я как-то не находила, не видела образ своего продукта в докторской диссертации. Для формальной стороны вузовского преподавателя это плохо. Но с точки зрения (это я себя так оправдываю) моей практико-ориентированной деятельности – в городе с учителями, в области, в школе, со студентами – мне эта сторона ближе, и я не считала необходимым ломать себя

в угоду каким-то конъюнктурным, нормативным соображениям... Не знаю, как сложилось бы – история согласительного наклонения, как известно, не любит – в общем, как получилось, так и получилось.

Что бы Вы могли пожелать выпускникам, которые сейчас готовятся к своей будущей педагогической деятельности?

Не хочется быть такой банальной, но придётся... Пожелать я хотела бы, во-первых, попробовать себя в этой деятельности, ведь особенность её состоит в том, что не каждый, кто хочет, может её продуктивно осуществлять. Поэтому первое пожелание – не бояться пробовать. И если поймут, что эта деятельность не для них, что они не хороши в ней, то смело менять этот вид деятельности на какой-то другой. А с другой стороны, сегодня выпускники наши боятся идти в школы, жалуются, что там низкие зарплаты, очень большая нагрузка и так далее. Но дело в том, что и школа, и вуз как образовательное пространство – это вообще сфера духовной деятельности. И вот те люди, которые соответствующе настроены, ориентированы не на материальное, а на духовное: духовное развитие, духовное общение, какую-то особую связь с коллегами – они всё равно идут в эту сферу и, работая там, получают удовольствие, и если уж приживаются в образовательной сфере, то практически редко кто из неё уходит. Потому что это особый, совершенно другой мир. Он позволяет в трудных ситуациях – выживать, потому что здесь человек черпает силы. И я знаю коллег, которые ушли с нашей кафедры из-за материальных соображений в другие сферы: во власть, в производство, в бизнес – но они всегда говорят о том, что духовное родство с людьми, с которыми они работали на кафедре, остаётся с ними на всю жизнь. И всё равно поддерживают связи, всё равно какие-то у нас есть точки соприкосновения, общения, мы интересуемся жизнью друг друга. То, что они получили здесь, они не могут получить ни в одной производственной, экономической, даже социальной сфере. Наверное, это и есть самое важное.

Беседовала СОФЬЯ МИХАЛЬКОВА

Открытая дискуссия «Стратегия и тактика банков в условиях кризиса»

ДИАНА НАЗИР, студентка 3 курса экономического факультета профиля «Финансы и кредит»

26 марта студенты, магистранты и преподаватели экономического факультета профиля «Финансы и кредит» приняли участие в Открытой дискуссии, проведенной Президентом АРБ, членом-корреспондентом РАН Гаргином Тосуняном в рамках Дней финансовой грамотности.

В мероприятии приняли участие ректор Финансового университета при Правительстве РФ, член советов директоров ряда банков, доктор экономических наук Михаил Эскиндаров, Председатель Правления ЮниКредит Банка, доктор экономических наук Михаил Алексеев и Председатель Совета директоров Восточного экспресс банка Сергей Власов.

Повесткой дня стала проблема стратегии и тактики российских банков в условиях кризиса. Участники обсудили достаточно широкий спектр тем. По мнению экспертов, наиболее актуальные проблемы на сегодняшний день – это высокая ключевая ставка и, как следствие, снижение спроса на кредиты, рост просроченной задолженности и докапитализация банков.

Как известно, сейчас доступ к внешним источникам финансовых ресурсов у коммерческих банков ограничен, поэтому нужно искать внутренние источники, но цена внутренних ресурсов велика. Все участники сошлись на мнении, что необходимо снижать ключевую ставку: «Нужно ограничивать ставку, но делать это аккуратно, последовательно», – прокомментировал Сергей Власов. По прогнозам Михаила Алексеева, до конца текущего года Центробанк может постепенно снизить ставку еще на 3%. Но даже уровень ставки в размере 10-11% достаточно существенно продолжит ограничивать возможности банков привлекать относительно дешевые ресурсы и сам спрос на кредитование. Также Михаил Эскиндаров отметил, что российской экономике не хватает источников «длинных денег», которые необходимо направлять на кредитование реального сектора экономики. Рынок БРИКС и китайский рынок долгосрочных финансовых ресурсов для нас пока тоже закрыты. Было отмечено, что с инфляцией борются исключительно монетарными способами, хотя есть и другие. В условиях санкций необходимо, в первую очередь, развивать крупную промышленность, а не малый бизнес: строительство большого количества новых торговых центров не сможет вытянуть экономику России, развитая промышленность будет способствовать развитию малого бизнеса.

Говоря о росте просроченной задолженности, Сергей Власов отметил, что «уровень просрочки на рынке розницы превышает 30%, т.е. каждый третий заемщик не возвращает

кредиты. Рост просрочки – это результат не только высоких ставок, но и неадекватности домашних хозяйств». По данным ЦБ на 1 февраля, с начала года размер кредитов с просроченными платежами свыше 90 дней вырос на 5 процентов и достиг 911 миллиардов рублей, это 8,4 процента от суммы кредитов.

Одной из актуальных проблем на сегодня является вопрос о докапитализации банков. Михаил Алексеев заострил внимание на том, что около 27 банков на сегодняшний день могут поучаствовать в докапитализации. «На эти нужды государство выделяет почти 11 миллиардов евро (весьма значительная сумма), но большая часть этих средств достанется банкам с государственным участием», – с уверенностью заявил доктор экономических наук.

Среди самых популярных интерактивных вопросов можно выделить следующие:

1. «Достаточно ли надежны методики банков в области оценки кредитоспособности клиентов?»

Эксперты ответили, что на свою систему никто не жалуется: проводится комплексная оценка финансового состояния отраслей проектов и т.д., но у хозяйствующих субъектов ситуация может измениться в любой момент.

2. «Как выбирать надежный банк в условиях отзыва лицензий?»

Хочется отметить, что данный вопрос несколько смутил участников дискуссии. Они разъяснили, что много факторов может повлиять на этот выбор: капитал, оценка заемщиков. Но главной проблемой сегодня является финансовая неграмотность населения, необходимо проводить финансовое просвещение граждан уже с юности.

3. «Следует ли студентам бояться антикризисной кадровой политики банков?»

Этот вопрос весьма актуален и волнует многих выпускников вузов. Участники дискуссии уверили, что хорошие, грамотные специалисты нужны везде. Но, в силу возрастающих сокращений кадров, банковский и финансовый сектор ждет приличная безработица. Поэтому выпускникам рекомендуется идти в магистратуру, повышать качество своих знаний, тем более что количество бюджетных мест с каждым годом растет.

4. «Каковы перспективные направления теоретических разработок для ведения научной деятельности?»

Г.А. Тосунян заявил, что наиболее актуальное направление – это проблема принятия управленческих решений, а также финансы и психология.

В целом, все участники дискуссии сошлись во мнении, что, несмотря на сложности, которые переживает банковский сектор и экономика, есть уверенность в том, что страна выйдет из кризиса с минимальными потерями. Студентам не стоит расстраиваться, что не будет возможности трудоустроиться, основная их задача сегодня – повышать квалификацию.

В НАЛОГОВОЙ ИНСПЕКЦИИ ДЛЯ НАС ОТКРЫТЫ ДВЕРИ

АННА НОВИКОВА, студентка 3 курса направления «Экономика», профиль «Финансы и кредит»

На кафедре финансов и банковского дела одним из направлений учебной, научной и практической деятельности является налогообложение и налоговое планирование. С целью формирования компетентного подхода стало традицией организовывать встречи с налоговыми органами, проходить там практику, участвовать в Днях открытых дверей.

Куратором данного направления выступает доцент кафедры Курникова И.В. С 2014 г. Ирина Валерьевна является членом Общественного Совета при УФНС по Ивановской области, поэтому взаимодействие кафедры и налоговых органов является плодотворным. Так, с лекцией «Налоговая политика региона» перед финансистами выступала руководитель УФНС по Ивановской области А.Н. Петропольская; кроме того, студенты были приглашены в налоговую инспекцию.

В рамках встречи было рассказано о структуре налоговой службы, о направлениях деятельности, о полномочиях каждого работника отдела по работе с налогоплательщиками. Нам ознакомили с возможностями трудоустройства в налоговую инспекцию после окончания учебы, с тем, какие обязанности нам придется выполнять, как будет оплачиваться работа. Интерес вызвали действующие электронные сервисы, в том числе функционирование «Личного кабинета налогоплательщика», с помощью которого любой желающий, зайдя на сайт ФНС России www.nalog.ru, может узнать о состоянии своего лицевого счета (наличии задолженности по налогам, пени и штрафам), а также оплатить имеющуюся недоимку.

Мы написали заявления для получения идентификационного номера налогоплательщика (ИНН) и получили соответствующие свидетельства.

27 и 28 марта 2015 г. мы участвовали в Днях открытых дверей Инспекции Федеральной налоговой службы по г. Иваново (ул. Красной Армии, дом 3/5). Вместе с сотрудниками студенты профиля «Финансы и кредит» непосредственно общались с посетителями, помогали им заполнять налоговые декларации и прочие документы от физических лиц, а также проводили разъяснительную работу и информирование налогоплательщиков.

Начальник отдела по работе с налогоплательщиками ИФНС Геранина Т.А. выразила нам и нашей кафедре благодарность за оказанную помощь, отметив такие качества ребят, как грамотность, скрупулезность, добросовестность, корректность с налогоплательщиками. Студенты 3 и 4 курсов: Новикова А., Малахова К., Джигерова Э., Шадрин Д., Андросова А., Ефремова К. и Гиглаев А. – выступили волонтерами, помогая работникам инспекции в приеме посетителей, а еще получили ценный опыт налогового декларирования и навыки общения с людьми.

В настоящее время мы оформляем документы для прохождения учебной и преддипломной практики в налоговой службе. И, конечно же, придем на помощь в любое время, а не только в Дни открытых дверей! До встречи!!!

Курсы русского языка в ИвГУ для студентов университета Пассау (Германия)

В рамках договора о сотрудничестве между Ивановским государственным университетом и университетом Пассау в Иванове с 1 марта по 31 марта 2015 г. на интенсивных курсах русского языка в течение месяца находились четыре студента из Германии. Обучение, проживание в общежитии, трансфер из московского аэропорта были предоставлены студентам на бесплатной основе. ИвГУ также организовал для них культурную программу, включавшую в себя поездки по нескольким городам Золотого Кольца (Боголюбово, Владимир), экскурсии в музеи, посещение драматического театра, филармонии, кино и другие мероприятия.

За время, проведенное в России, студенты не только улучшили свои знания русского языка, о чем свидетельствуют выданные им по окончании курсов сертификаты, но и получили представление о русской культуре и менталитете, а также приобрели новых друзей.

Своим мнением об опыте обучения русскому языку в университете Пассау и в ИвГУ поделились Юлия Пистунов и Диана Шмидт:

Юлия: Чтобы понять культуру любой страны, необходимо средство декодирования - это язык. Мы, как часть сегодняшнего поколения русских немцев, можем себя считать счастливыми, потому что мы были воспитаны двумя языками и двумя культурами: немецкой и русской. В своем университете мы выбрали славянскую культуру восточной и средней Европы как специальность, чтобы в наше сложное время способствовать дальнейшему благотворному развитию отношений между немецкоговорящими странами и русским миром.

Диана: Имея много университетов-партнеров, наш университет г. Пассау предоставляет студентам шанс учиться за границей. Среди них и ИвГУ, куда можно не только приехать учиться на семестр по обмену, но и пройти одномесячный языковой курс. Этот договор между ИвГУ и университетом г. Пассау существует уже с 1990 г. В самом начале нам объяснили цель данного языкового курса: изучая русский язык, лучше понять русского человека и русскую культуру. Но к пониманию русской культуры мы приблизились не только через изучение теории. Нам дополнительно предлагали участвовать в разных экскурсиях - например, посещение многих музеев, театра, а также экскурсия во Владимир.

Юлия: Личные контакты, которые мы установили благодаря нашему пребыванию в общежитии, оказались очень важными, так как они дали нам возможность совершенствовать наши языковые умения практическим образом. В процессе встреч, бесед и поездок они нас приближали во многих отношениях к русской аутентичной культуре. Например, традиция 8 марта, русская дача, типичные русские блюда и многое другое. Язык оказался не барьером, а, наоборот, важным средством, благодаря которому мы могли поддержать русско-немецкую дружбу и приобрести новые познания.

Диана: В результате мы уверены, что практика важнее теории. Хотя благодаря нашим русским корням мы уже имели представление о русской культуре, эти знания никак нельзя сравнить с одномесячным проживанием в России. Мы хотим выразить благодарность за неповторимую возможность познакомиться с русским языком и русской культурой.

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ СРОК

Рубрика «Выпускнику на заметку»

Е. ШИЛОВА, руководитель центра «Карьера» ИвГУ

Итак, Вы нашли работу, успешно прошли собеседование и получили заветную должность! Можно расслабиться? Как бы не так! Очень важно буквально с первых дней зарекомендовать себя в глазах руководства и коллег и пройти испытательный срок. Напомним между делом, что по общим нормам трудового права срок испытания не может превышать трех месяцев. Именно за это время - не дольше! - работник получает возможность проявить свои профессиональные и деловые качества в новой должности, а работодатель должен объективно оценить их и принять решение либо о продолжении сотрудничества, либо - увы! - о расторжении трудовых отношений.

Чтобы пройти испытательный срок на «ура», примите к сведению несколько полезных советов.

Учитесь планировать рабочее время!

Навыки эффективного тайм-менеджмента необходимы представителям буквально всех профессий. Компаниям требуются надежные люди, на которых можно положиться. Срыв дедлайна - свидетельство вашего личного непрофессионализма. Более того, несоблюдение сроков Вами влечет изменение в графике других сотрудников, заставляя их менять планы и доделывать/переработать Вашу работу. Если времени в течение рабочего дня катастрофически не хватает, останьтесь сверхурочно, но выполните задание - во время испытательного срока это крайне важно! В первые месяцы работы не ждите никаких похвал со стороны руководства.

Излишне напоминать, что служебный телефон и Интернет предназначены отнюдь не для звонков приятелям или зависания в «ВКонтакте». Не ведите на работе частных разговоров, не отправляйте личных писем, содержание которых не предназначено для глаз руководителя.

Не самоизолируйтесь!

Постарайтесь избегать всяческих конфликтов и с самого начала продемонстрируйте свою готовность сотрудничать и с руководством, и с коллегами. Если новичок не сумеет найти общего языка со старожилками и они будут его сторониться, может снизиться и общая эффективность работы.

Не стоит отгораживаться от коллектива, даже если по натуре вы не очень общительный человек. В неформальной беседе (желательно по окончании рабочего дня!) можно получить сведения о том, что думает шеф о Вашей работе, каковы его планы относительно Вас, и при необходимости скорректировать свои действия. Подумайте, как грамотно выстроить отношения с коллегами, и используйте полученную информацию для своего профессионального роста.

Не бойтесь рисков и провалов!

Поверьте в себя, иначе другие в Вас не поверят. Будьте оптимистом и не бойтесь рисковать. Давно доказано, что нежелание

работника брать на себя ответственность воспринимается руководителями гораздо хуже, чем его возможные неудачи. Всегда настраивайтесь на успех и докажите руководству, что Вы способны реализовать инновационный проект, освоить новую для себя обязанность и т.д. Проявите свою готовность учиться новому в любой ситуации. Если Вы и совершили ошибку, сделайте выводы и продолжайте двигаться вперед.

Ставьте правильные цели!

Помните, что испытательный срок не продолжителен, поэтому нужно правильно расставить приоритеты и сфокусироваться на том, от чего зависит его успешное прохождение. Нередко причиной первых провалов на работе является неумение ставить перед собой задачи. Тщательно планируйте свою деятельность, не стесняйтесь советоваться с более опытными коллегами.

Не пренебрегайте своим имиджем!

В построении карьеры весьма важную роль играет внешний вид. Обязательно соблюдайте принятый в организации дресс-код. Если таковой не прописан, приходите на работу в опрятной одежде, соответствующей рабочей обстановке. Кроме того, следите за своей речью, избегайте сленга и слов-паразитов, используйте правильные грамматические конструкции. В общем, с первого дня пребывания в компании создавайте имидж делового человека и грамотного специалиста.

Будьте осторожны в высказываниях!

Слово - не воробей... Тщательно обдумывайте то, что собираетесь произнести. Не распространяйте слухи о коллегах, ни в коем случае не обсуждайте личность шефа, даже если Вас заведомо провоцируют на подобные беседы. Просто уходите от разговора под благовидным предлогом. И упаси вас Бог разглашать коммерческие тайны! Помните: необдуманные высказывания могут стоить вам работы, о которой вы давно мечтали.

Остерегайтесь звездной болезни!

Даже если Вы уже состоялись как специалист (что для большинства, в принципе, маловероятно, принимая во внимание, что Вы только оканчиваете вуз), не демонстрируйте свое превосходство над другими. «Звездить» в кругу коллег - как минимум недальновидно. Завтра судьба может от Вас отвернуться, а коллеги вряд ли простят Вашу заносчивость. Настраивая сослуживцев против себя, Вы можете спровоцировать лишь всеобщий «игнор». Будьте тактичнее с людьми.

Желаем легкой и быстрой адаптации на новом рабочем месте!

Если Вам необходимы индивидуальные консультации специалистов по вопросам поиска работы и успешного трудоустройства, обращайтесь в центр «Карьера» ИвГУ (каб. 124 главного учебного корпуса, тел. 37-41-69, e-mail: career-ivsu@yandex.ru).